

ЛАМПАДА

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 5 (104) 2015
сентябрь — октябрь

**Тема номера:
ДЛЯ ЧЕГО
МЫ ПРИХОДИМ
В ЭТОТ МИР?**

-
- 100 лет исполнилось русскому игумену со Святой Горы
 - Паша, дельфины и Малыш
 - О чем молятся безбожники?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

На службе в алтаре Господнем 3

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПРИХОДИМ В ЭТОТ МИР?

Лариса Беляева

Анкета «Лампады»

Скажите, пожалуйста 8

Протоиерей Михаил Зазвонов –

Павел Демидов

И вот мы родились.

А дальше?.. 10

Павел Демидов

Дом, где согреваются сердца 13

Емилиан Сосинский –

Павел Демидов

Нужно научиться жить

вечно еще на земле 14

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Архивариус

Специальный проект

Ничто не проходит бесследно 17

СТРАНА СЛОВ

Дмитрий Шеваров

Как без веры в Бога понять человека? 19

Монах Лазарь (Афанасьев)

Из дневниковых записей 20

Валентин Курбатов и др.

О человеке по имени Геннадий Сапронов 22

СТРАНА КРАСОК

Ольга Куранова

«...Из праха земли светоносною
сделаться точкой» 27

МИР ВОКРУГ НАС

Марина Нецветаева

Есть такая особенность – дарить счастье 31

Станислав Сергеев

У каждого своя война. И своя лампада 35

Павел Демидов

Но так ли уж беззвучна молитва атеистов? 37

Вадим Рутковский

Певец православной Тавриды 38

**Храм иконы
Божией Матери «Знамение»
в Ховрине
lampada-press.ru**

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (**подписка,
распространение, реклама**)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Преображения Господня
в Звездном городке. Фото Ларисы
Беляевой

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 03.09.2015

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

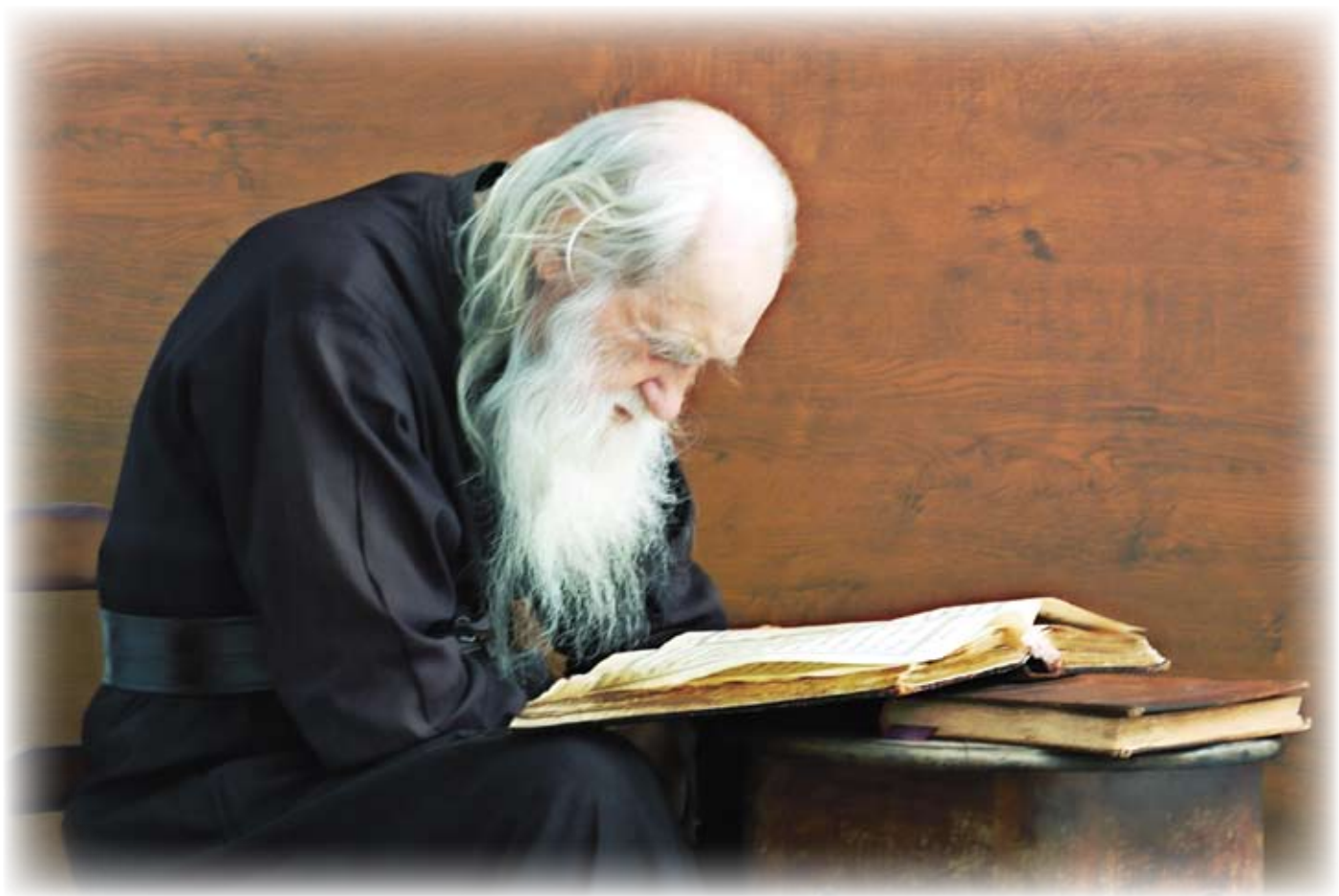
Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 800 экз. Заказ № 6452
© Лампада, 2015

Редко можно увидеть одновременно и Свято-Пантелеимонов монастырь, и вершину Святой Горы

За чтением Псалтири

На службе в алтаре Господнем К столетию со дня рождения игумена Свято-Пантелеимонова на Афоне монастыря схиархимандрита Иеремии

Сравнение Святой Горы Афон с алтарем православного храма может показаться неожиданным, но ему не отказать в образности и точности. На Афоне – как и в алтаре – непрерывно творится молитва. На Афоне – как и в алтаре – на мощах святых совершается таинство Евхаристии. Наконец, на Афоне – как и в алтаре – благословлено пребывать только мужчинам.

Официальная история афонского монашества восходит к 961–962 годам, когда Трулльский собор узаконил пребывание «пустынников» на полуострове. Таким образом, вот уже более 1300 лет удел Пресвятой Богородицы, по Ее слову, остается единственной на нашей земле монашеской республикой.

В 2015 году Русская Обитель на Святомъ Афонѣ отмечает 100-лѣтній юбилей своего Настоятеля и Старца – Схиархимандрита Иереміи. Житейскую мудрость, стяженную столь глубокимъ

жизненнымъ опытомъ черезъ терпѣніе выпавшихъ на его долю страданій, онъ усугубилъ многолѣтнимъ опытомъ духовной борьбы со грѣхомъ, страстями и діаволомъ, ставъ поистинѣ духонос-

В будущем году Русская Православная Церковь и весь православный мир будут отмечать тысячелетие пребывания русских монахов на благословенной афонской земле. Но это в будущем году. А в нынешнем октябре в Свято-Пантелеимоновом монастыре, чья история неотрывна от истории русского Афона, отмечается юбилей игумена: схиархимандриту Иеремии исполняется 100 лет.

Наши прихожане, клир храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине и редакция журнала «Лампада» от всего сердца поздравляют отца игумена с этой выдающейся датой, желают ему многая лета на радость всем нам.

нымъ Старцемъ и опытнымъ наставникомъ, «могущимъ искушаемымъ помощью» (Евр. 2, 18). Изъ 100 лѣтъ почти 20 провелъ онъ въ лагеряхъ, ссылкахъ, скитаніяхъ и каторжныхъ трудахъ;

Умощей преподобного Силуана Афонского

16 лѣтъ – заводскимъ рабочимъ; 59 лѣтъ – въ монашескомъ подвигѣ, 57 изъ которыхъ – въ священномъ служеніи; 41 годъ прожилъ на Святой Горѣ Аѳонъ; 35 лѣтъ является Игуменомъ русскихъ святогорцевъ.

За не исчезающей съ лица батюшки Иереміи любвеобильной и жизнерадостной улыбкой скрывается горечь страданій, пережитыхъ имъ въ ссылкахъ, въ тяжкихъ испытаніяхъ и лишеніяхъ, пройдя черезъ которые не каждый способенъ остаться при здоровомъ разсудкѣ, не озлобиться, сохранить въ своемъ сердцѣ вѣру и любовь къ ближнимъ, свѣтлое устроеніе души.

Отецъ Иеремія родился на Донбасѣ въ большой семьѣ Алехиныхъ 9 (22) октября 1915 года въ день памяти святаго апостола Іакова Алфеева, въ честь котораго и былъ нареченъ въ купели. Хуторъ Ново-Русскій, въ которомъ жили Алехины, послѣ передела границъ Россійской имперіи въ 20-хъ годахъ, оказался въ Ростовской области РСФСР.

Его детство припало на годы богорборческой революціи и гражданской войны. Въ концѣ 20-хъ годовъ семью

Алехиныхъ «раскулачили» и выслали на Уралъ. Черезъ полгода по прибытіи на место ссылки отъ жизни въ тяжелейшихъ бытовыхъ условіяхъ, голода и холода заболела и умерла мать. Отецъ и старшіе братья приняли решение совершить побѣгъ, но при переправѣ черезъ реку всѣ были пойманы. Отца увели отдельно отъ сыновей, и болѣе они никогда не виделись. Зетемъ братья вновь совершили побѣгъ и разными путями возвращались на родину. Яковъ помогъ бѣжать начальникъ караула, давшій ему 3 рубля, на которые мальчикъ смогъ переправиться черезъ Каму. Яковъ 3 года скитался, пешкомъ добираясь въ родные края. Во время этого странствія мальчика пожалела вдова, у которой было двое детей, и пригласила его жить въ свою семью.

Въ 1935 году Яковъ Алехинъ устроился чернорабочимъ на металлургическомъ заводѣ въ Мариуполѣ. Юноша отказался вступить въ компартію, открыто исповѣдавъ, что является православнымъ христіаниномъ. За это онъ снова подвергся угрозѣ преследованій и ареста, но началась Отечественная война. Избѣжавъ

на этотъ разъ советскихъ лагерей, онъ в 1941 году былъ насильно угнанъ въ Германію, гдѣ на протяженіи долгихъ 4 лѣтъ ему вновь довелось испытать каторжный трудъ, голодь и нечеловѣческіе условія жизни.

Въ 1945 году, когда онъ получилъ свободу, на вопросъ советскаго офицера, чемъ планируетъ заниматься въ дальнейшемъ, ответилъ, что хочетъ провести оставшуюся жизнь въ служеніи Господу. Изъ состраданія офицеръ сдѣлалъ видъ, что не услышалъ отвѣта, понимая, чемъ это можетъ грозить только что освободившемуся узнику, и написалъ въ анкетѣ, что онъ хочетъ быть рабочимъ. Поэтому сразу поступить въ семинарію и монастырь ему не удалось. 11 лѣтъ онъ работалъ на хлебозаводѣ въ Луганскѣ. Въ 1956 году, въ 41 годъ отъ рожденія, съ началомъ новой волны атеистическаго наступленія на религію, Яковъ Алехинъ поступаетъ въ Одесскую духовную семинарію, гдѣ, къ слову, учился вмстѣ съ будущимъ Предстоятелемъ УПЦ Митрополитомъ Владимиромъ (Сабоданомъ). Одновременно будущій Игуменъ Афонскаго монасты-

ря поступилъ въ послушники въ Одесскій Свято-Успенскій монастырь, гдѣ 17 января 1957 года принимаетъ монашескій постригъ съ именемъ Іеремія въ честь преподобномученика Іереміи (изъ собора преподобныхъ отцевъ, въ Синаѣ и Раиѣ убиенныхъ, память которыхъ празднуется 14/27 января). Въ томъ же году, 25 января, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а въ слѣдующемъ, 1958 году, 27 января – въ іеромонаха. Въ монастырь на него было возложено многопопечительное и отвѣтственное послушаніе келаря.

Въ это время въ Успенскомъ монастырь проживалъ бывший насельникъ Свято-Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ преподобный схіагуменъ Кукша (Величко, † 1964). Отецъ Іеремія избираетъ его своимъ духовникомъ. Въ послѣдніе полтора месяца жизни преподобный Кукша проситъ именно отца Іеремію причащать его Святыхъ Христовыхъ Таинъ, что онъ и дѣлаетъ ежедневно до самой смерти старца. Однажды преподобный какъ бы шутя сказалъ ему: «Чемъ отблагодарить тебя, чадо?.. Будешь Игуменомъ на Аѳонѣ». Там же отецъ Іеремія близко сходитъ съ многократно гонимымъ за вѣру исповедникомъ схіархимандритомъ Пименомъ (Тишкевичемъ), который до ареста въ 1937 году служилъ въ Черниговѣ и былъ сподвижникомъ преподобнаго Лаурентія (Проксуры) Черниговскаго.

Въ 1960 году, узнавъ, что изъ Псково-Печерскаго монастыря некоторые изъ монаховъ будутъ направлены на Святую Гору Аѳонъ въ Русскій Свято-Пантелеимоновъ монастырь, отецъ Іеремія, по совѣту преподобнаго Кукши Одесскаго, тоже подаетъ соответствующее прошеніе. Цѣлыхъ 14 лѣтъ пришлось отцу Іереміи ждать разрешенія. Наконецъ въ 1974 году Патриархъ Константинопольскій Димитрій изъ шести заявленныхъ монаховъ изъ СССР выбралъ троихъ, въ числѣ которыхъ былъ и отецъ Іеремія. Въ возрастѣ почти 60 лѣтъ прибылъ онъ на Свя-

Игумен обители схіархимандрит Іеремія

тую Гору Аѳонъ. Первыми его словами братіи были слѣдующіе: «Простите, что прибылъ къ вамъ въ такомъ возрастѣ».

10 апреля 1976 года онъ былъ избранъ общимъ духовникомъ братіи. 5 іюня 1979 года Патриархомъ Константинопольскимъ Димитріемъ утвержденъ въ должности игумена русскаго монастыря. Торжественная интронизація состоялась 9 іюня того же года. Въ 2006 году, по Святогорской традиціи, отецъ Іеремія принялъ постригъ въ великую схиму.

Отличительной чертой духовнаго облика отца Іеремія является добродѣтель не помнить и не видѣть зла и за все благодарить Бога. Несмотря на все пережитое, въ сокровищницѣ своего сердца онъ сложилъ только добрые и свѣтлые воспоминанія. «Три года скитался, – рассказываетъ Старецъ, – пешкомъ шель отъ деревни къ деревнѣ, и нигде люди не давали мне умереть съ голоду, не оставляли безъ пропитанія, хоть и рисковали изъза меня. Богъ посылалъ добрыхъ людей. Я помню. Спасибо за все Господу!».

Изъ пережитаго въ Германіи онъ вспоминаетъ немецкихъ женщинъ, кото-

рые каждый день приходили и бросали имъ черезъ колючую проволоку хлебъ, чтобы они не умерли съ голоду. «Ихъ хлебъ былъ такимъ вкуснымъ, что до сихъ поръ помню его вкусъ. Спасибо за все Господу!».

Рассказываетъ онъ о техъ трудныхъ въ его жизни событіяхъ съ улыбкой, какъ о чем-то пріятномъ, потому что въ терпѣніи злостраданій позналъ милость Божию, которая подвигаетъ душу къ благодаренію. По словамъ отца Игумена, благодарность – есть величайшая добродѣтель. Не случайно и самое главное таинство нашей Церкви называется Евхаристія, то есть благодареніе. Уменіе быть благодарнымъ воспитываетъ въ чловѣкѣ покорность волѣ Божіей, облегчаетъ путь ко стяжанію смиренія, обучаетъ молитвѣ, помогаетъ постичь таинство любви. Благодарная душа никогда не будетъ роптать на судьбу, никогда не обидитъ

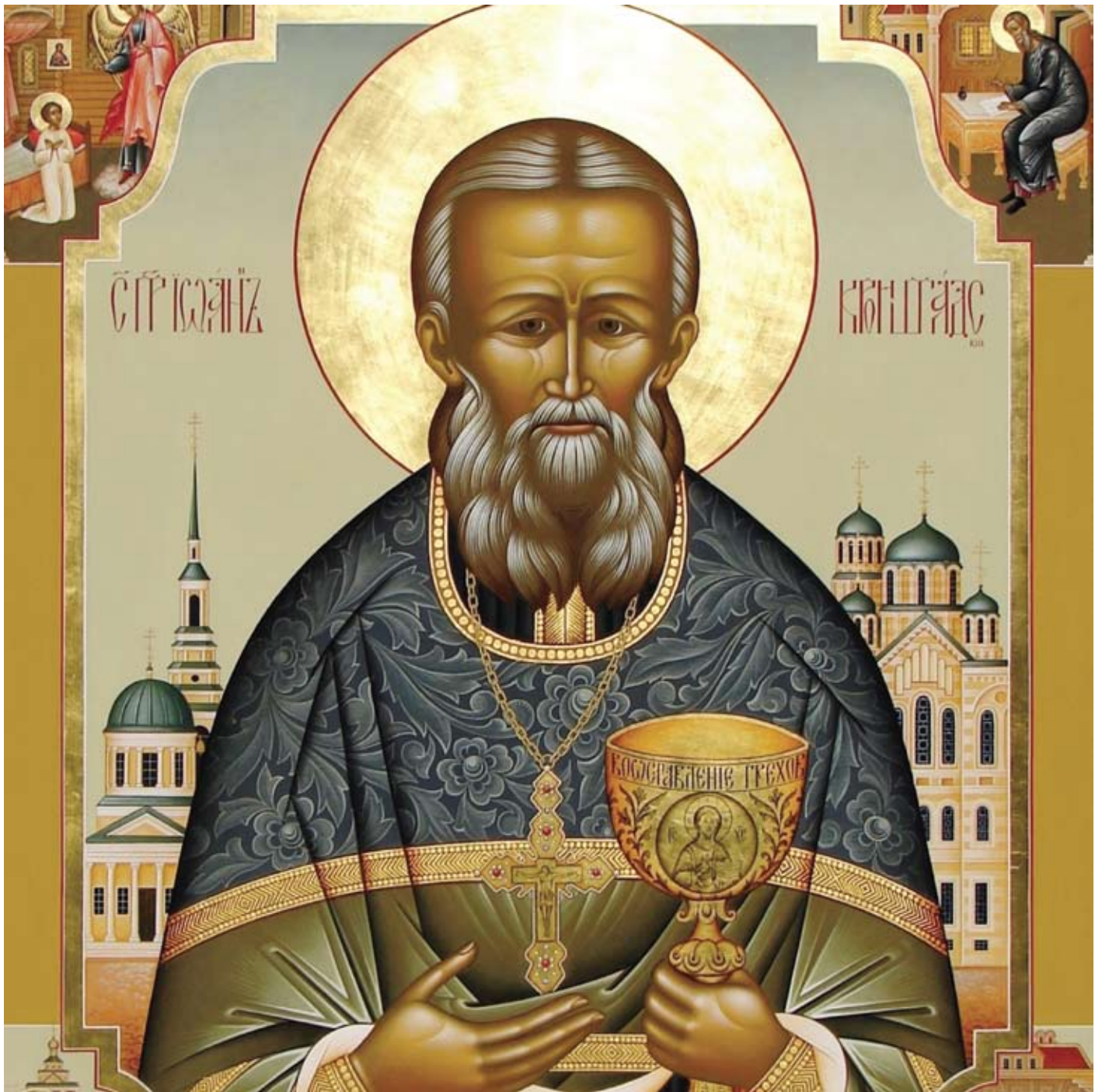
ближняго и даже не превознесетъ надъ нимъ, она будетъ прилежна къ молитвѣ и богослуженію, отнюдь не тяготясь ихъ продолжительностью. Благодарная душа не можетъ не быть милостивой, не можетъ ненавидѣть и замышлять зло, потому что помнитъ оказанную ей милость и стремится сторицею воздать темъ же.

Въ этомъ и заключается духовное наслѣдіе Старца Игумена Іереміи, которое онъ старается передать своимъ духовнымъ воспитанникамъ. Отецъ Іеремія не ораторъ, однако простое слово его, въ силу глубочайшаго опыта, исполнено необычайной духовной силы.

Благодаря подвигу Старца Іереміи Русская Обитель на Аѳонѣ, выполняя свое предназначеніе и совершая непрестанную молитву ко Господу, остается нетронутымъ уголкомъ Святой Руси, какъ залогъ ея возрожденія.

Житіе подготовлено братіей обители.

Орфография и пунктуация сохранены в соответствии с принятой в монастыре традицией.

Господь каждого из нас ставит на такое место, где мы можем, если захотим, принести Богу плоды добрых дел и спасти себя и других.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</p>	<p><u>Николай Александрович Архипов</u> преподаватель музыкальной школы</p>	<p><u>Надежда Середина</u> член Союза писателей РФ</p>	<p><u>Николай Черных</u> 28 лет артист ансамбля «Северная околица» г. Сыктывкар</p>
<p>Если смысл жизни для всех один, в чем он по-вашему? Если у каждого свой – в чем он у вас?</p>	<p>Мы родились для того, чтобы больше познать и достичь.</p>	<p>Для меня литература стала смыслом жизни с 13 лет. Потом любовь, рождение ребенка, и смысл жизни уже видишь в другом. Потом опять уход в литературу.</p>	<p>Смысл заключается в том, чтобы жизнь прожить достойно. Каждый человек должен частичку себя после себя оставить.</p>
<p>Ваша самая большая радость в жизни?</p>	<p>Самая моя большая радость, что я с детьми работаю. И еще у меня есть сад.</p>	<p>Шесть месяцев в Иерусалиме. Подъем на гору Синай. Рождение ребенка и начало публикаций.</p>	<p>На данный момент мой сын, которому я очень рад и которого очень люблю.</p>
<p>И ваше самое большое огорчение?</p>	<p>Не знаю. У меня... чтобы такого большого огорчения... слава Богу, нет.</p>	<p>Когда я разочаровалась в первой любви.</p>	<p>Потеря любимого человека, который ушел из жизни.</p>
<p>Чему вы особенно завидуете?</p>	<p>Я даже не понимаю, как это – завидовать. Что-то не припомню, чтобы в моей жизни случилось такое.</p>	<p>У кого есть возможность зарабатывать литературой. Это такая белая зависть. Постоянной зависти у меня нет, а такие вспышки бывают.</p>	<p>Да нечему. Меня все устраивает, всем я доволен, все у меня есть. И не хочу испытать это чувство.</p>
<p>Вы увязываете свою земную жизнь с вечной жизнью вашей души?</p>	<p>Я пою в церкви, я певчий, тенор, но я малоцерковленный. Я стараюсь, но верить у меня не выходит по-настоящему.</p>	<p>После Иерусалима – да.</p>	<p>Как человек, который занимается музыкой, народным творчеством, я себя как-то подготавливаю, увязываю свою жизнь с вечной.</p>
<p>Хотелось бы вам начать жизнь заново?</p>	<p>Все говорят, что это ни к чему. Надо лучше стараться прожить свои оставшиеся дни ближе к народу, делать добро всем. И если есть вечная жизнь – стремиться туда и спастись.</p>	<p>Постаралась бы не повторять ошибок. После Иерусалима я хотела бы начать жизнь сначала и эти ошибки могла бы исключить.</p>	<p>Нет, я всем доволен.</p>

ДЛЯ ЧЕГО МЫ ПРИХОДИМ В ЭТОТ МИР?

Анкета «Лампады»

<p><i>Александра</i> 21 год студентка</p>	<p><i>Ольга Матвеева</i> 32 года солистка ансамбля «Русален»</p>	<p><i>Алексей</i> 30 лет участник ансамбля песни и танца «Донское сияние», станция Вешенская</p>	<p><i>Николай Николаевич</i> <i>Амосов</i> 61 год пенсионер</p>
			
<p>Я считаю, что смысл жизни для всех людей один – стяжание благодати Святого Духа.</p>	<p>Наша маленькая цель – написать и исполнить красивые песни, чтобы они остались, были интересны молодым людям. И смысл у каждого – это продолжение жизни.</p>	<p>Чтобы из поколения в поколение передавалась история, дух, душа казака. Для меня это прежде всего в продолжении рода, чтобы я оставил после себя что-то вслед.</p>	<p>Смысл жизни в вере, и другого ответа я не знаю.</p>
<p>Заниматься любимым делом.</p>	<p>Я стараюсь находить радость каждый день. Солнышко светит – это радость, листочки зашелестели – вот она, радость. Мне кажется, так жить проще и радостнее, жизнь твоя светлее.</p>	<p>Просыпаюсь – и мне светит в окно солнышко, я радуюсь новому дню, что он пройдет замечательно, что над нами мирное небо. Самая большая радость – что нет войны.</p>	<p>Жена, дети, внуки.</p>
<p>Невозможность себя реализовать в чем-то том, что у меня наиболее получается в жизни.</p>	<p>Я бы не сказала, что в моей жизни происходило что-то, в чем я сильно огорчилась. Бытовые неприятности бывают.</p>	<p>Самое большое огорчение – это равнодушие некоторых людей. К тому месту, в котором живут, к природе. Если бы люди не были равнодушны, мир был бы лучше. Но есть все-таки люди, которые помогают.</p>	<p>Разрыв с Украиной.</p>
<p>Когда люди могут делать добро и не задумываться над этим, бескорыстно совершать добрые дела без примеси гордости, тщеславия и всего прочего.</p>	<p>Ничему не завидую. Если тебе нравится то, что лучше получается у других, бери с них пример. А завидовать не нужно никому и никогда.</p>	<p>Завидую людям, которые, не смотря ни на что, не падают духом, борются. Это борьба прежде всего внутренняя. Живут и радуются жизни.</p>	<p>Зависть мне не свойственна. Мы – поющая семья, и если кто-то поет лучше, то это не зависть, а рубеж, к чему нужно стремиться.</p>
<p>Я стараюсь увязывать свою земную жизнь с вечной жизнью моей души, но не всегда получается это помнить.</p>	<p>Конечно же, хочется, чтобы моей душе потом за меня не было бы стыдно. Поэтому стараюсь жить праведно, не грешить, не сквернословить и надеюсь, что это сверху увидят.</p>	<p>Да, я верю, что моя душа бессмертна. Все земное – временно, преходяще, и поэтому надо работать над саморазвитием души прежде всего.</p>	<p>Безусловно.</p>
<p>Не хотелось бы начать жизнь заново. Хотелось бы исправить какие-то поступки, но в жизни так получается, что Господь ведет.</p>	<p>Заново – нет. Каждый человек получает то, чего он достоин, и он должен найти в этом смысл и жить с какой-то целью, чего-то добиваться и радоваться каждому дню.</p>	<p>Зачем? Мне нравится моя жизнь, но я не хочу прожить заново или испытать какие-то моменты. Мне нравится все как есть.</p>	<p>Нет, меня все устраивает в этой жизни, и не надо ничего исправлять.</p>

И вот мы родились. А дальше?..

Добротели человека. В одном из недавних номеров мы говорили о том, что эти качества могут повредить душе того, кто ими обладает. Если он использует их не во славу Божию, но ради удовлетворения собственных страстей и амбиций. Тема сегодняшнего номера, по сути, тоже о добродетелях, точнее – об одной из них. Постановка вопроса иная. За ответом я пришел к протоиерею Михаилу Зазвонову. Батюшка окормляет храм Всех святых, в земле Российской просиявших, что в Новокосине, и занимается проблемами защиты семьи, материнства и детства в Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата.

– Итак, для чего мы приходим в этот мир? Чтобы спастись для жизни вечной и постараться помочь спастись другим? То есть формула преподобного Серафима Саровского. Тогда – как спастись? Какой из путей выбрать? Добродетели, благотворительность, милосердие, помощь тем, кто нуждается в этой помощи, кто потерялся в жизни? Что вы, отец Михаил, могли бы сказать об этом?

– Человек рождается в земную жизнь как результат акта любви. И уже в этом его богоподобие. Ведь он был создан Богом именно из любви Творца к Своему творению. Отсюда и две главные заповеди: возлюби Бога и возлюби ближнего своего. В этот мир человек приходит, чтобы обрести любовь с Богом, жить с Богом. Для этого Бог должен быть внутри тебя. Тогда ты сможешь Его видеть, слышать, чувствовать.

– Но как этого добиться?

– Представьте, секретов нет. Надо всего лишь жить по заповедям Божиим. Они красной нитью изложены в Евангелии. На современном языке это означает: человек должен быть милосерден, социально ориентирован, жить как Бог, то есть жить любовью. Вспомните хотя бы заповеди блаженств. Следуя им, человек выполняет программу восхождения по своей духовной лестнице: очищается от очевидных своих грехов, кается, подражает Богу, узнает Его, алчет правды, постигает, что Бог есть любовь, и создает плоды милосердия, его сердце очищается, и он понимает, что в его сердце входит Господь, и потом он становится миротворцем, он уже не может замыкать эту любовь только на себя, но начинает изливать ее на окружающих...

– Это и есть милосердие?

– Человек, который идет к Богу, не может быть немилосердным.

– Но не всякий милосердный есть непременно идущий к Богу. Так?

– Это уже совсем другой разговор. Христианин, который не милосерд, не может называться христианином. Это однозначно.

– Простите мою неотступность. Вы произнесли слова: «Бога принять в свое сердце». А что и как это конкретно? В чем должно выражаться?

– Прежде всего человек должен осознать, что такое «блаженны нищие духом». Не зря же этими словами начинается Нагорная проповедь. Человек должен понять...

– И принять.

– И принять, что без Бога, без Христа, он не сможет жить. Должен понять и принять, что он – немощное существо, которое не в силах справиться с собой. Что человек – это вовсе не «звучит гордо». Как говорит апостол Павел о себе, имея в виду любого из нас: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (Рим. 7:19).

– На Западе, и особенно в Америке, – культ так называемого *self made man* – человека, который «сделал себя сам», без чьей-либо помощи, значит и без Божией. Этой философии подчинены все реалии жизни. Можно назвать ее религиозным антропоцентризмом?

– Пожалуй. Во всяком случае, она не приближает человека к Богу.

– Может быть, потому эта матрица так трудно совмещается с нашим менталитетом?

– Скорее всего, именно так. Не осознавая, что помочь может только Бог, человек обрекает свою душу на незавидную судьбу. Он должен обратиться к Богу. А гордый человек никогда к Богу не обратится. Только в смирении – начало пути к Господу.

– Есть, на ваш взгляд, связь между смирением и милосердием?

– А как же! Совершая дела милосердия, человек соприкасается со многими

Протоиерей Михаил Зазвонов

негативными сторонами жизни, с трудными для общения людьми. Как же тут без смирения?

– Пожалуй... И милостыня, и даже гуманитарная помощь, о медицинской не говорю. А такая, как была, скажем, в Домах трудолюбия у отца Иоанна Кронштадтского, – тут без терпения и смирения вообще не обойтись.

– Каждый должен творить милосердие, на каком бы месте он ни находился и в какой бы форме оно ни проявлялось. Ведь любовь, участие, сострадание не знают ни социальных, ни каких иных различий.

– Милосердие – с одной стороны, как бы нравственный императив, но с другой – все же дело добровольное. А есть при этом что-то непременно?

– Безусловно. Творить милосердие нужно прежде всего с ответственностью и смыслом. А здесь есть соблазн: помог, не подумав о возможных последствиях, – значит, думал о себе. Милосердие и эгоизм – как гений и злодейство – две вещи несовместные. Дать денег наркоману, чтобы он потом умер от передозировки? Иное – помочь, чтобы человек не умер от голода, хотя он, возможно, и наркоман. Можно сказать, что оно должно быть рациональным – милосердие.

– Есть бомж. Потенциально дееспособный человек. Наверное, такого важнее приучить к работе, дать ему кров?

– Стало общим местом вспоминать об удочке и рыбе – чем предпочтительнее помочь. Но есть коллизия: что значит дать удочку человеку, который выпал из

социума? К сожалению, такие люди неспособны долго работать. Они утратили навыки, эмоциональные стимулы, разумную мотивацию к инициативному труду. Им нужна очень осторожная, внимательная помощь.

– **Постараться помочь человеку обрести себя – это ведь тоже милосердие?**

– Конечно! Но здесь оно как раз особенно неотделимо от ответственности.

– **Верно ли, что одна из черт нашего национального характера – отзывчивость?**

– Если мы почитаем русских философов, то увидим у них, что одна из черт русской ментальности – доброта.

– **Это почти то же самое, нет?**

– Мне кажется, не так важно, насколько синонимичны эти понятия. Существеннее другое. Русскому человеку, живущему сегодня в совершенно антагонистичном милосердию мире, к сожалению, приходится напоминать, что когда-то это качество было нормой. Русский человек с его христианской, как у всех, душой, к тому же по природе своей еще и милосерден.

– **Простите, но имманентного милосердия для спасения мало. Нужно, чтобы заложенное в природе претворилось в практику.**

– Надо призывать к тому, чтобы внутренняя потребность становилась внешней реальностью. Церковь всегда занималась этим.

– **А такой фактор, как материальное благополучие общества или конкретного человека? Нет ли опасности в том, что именно недостаток снизит социальный слух и притупит внимание к окружающим бедам?**

– Я бы поостерегся говорить о причинно-следственной связи. Как бедность, так и богатство не связано с грехом или добродетелями, в частности с милосердием. Вопрос в том, насколько свободен или ограничен доступ ко благам. Если у человека много средств, перед ним больше открытых дверей, куда он может войти.

– **Но не факт, что он туда войдет.**

– Однако мы знаем богатых людей – доброхотов, меценатов, ктиторов, или, как теперь говорят, спонсоров. Есть понятие социально ответственного бизнеса, социально ориентированного предпринимательства...

– **И все же это не массовое явление.**

– Согласен, не массовое. Но опять же поясню: мы – люди с потребительским мировоззрением. Становятся приоритетными многие чуждые русскому духу нормы и этические взгляды. Современный человек наслаждается культом гедонизма, и сделать выбор в пользу ограничения ему зачастую не под силу. Бедность, кстати, тоже затачивает. Но прежде всего на то, как насытиться.

– **Еще Махатма Ганди говорил: «Для человека с пустым желудком Бог – это еда».**

– Да, такому человеку не до помощи другим. У голодного снижена восприимчивость. Ему просто физиологически тяжело не только творить дела милосердия, но даже думать о них. Разве что применительно к себе.

– **Но, с другой стороны, малообеспеченному человеку или обществу понятнее беды страждущих. Может быть, по этой причине в ментальности русского человека лежит сострадательность? Ведь мы всегда жили небогато. Исторически мы никогда не были обществом потребления.**

– Трудно сказать... Небогато жили и многие другие народы. Вспомните ту же средневековую Европу: как тяжело доставался людям хлеб. Идея милосердия пришла к русскому человеку из христианства. Именно милосердие можно назвать едва ли не первым проявлением христианской ментальности. Князь Владимир, образно говоря, привил к телу народа идущие от Бога любовь и милосердие. Русский человек стал откликаться на эти ценности...

– **То есть это было зерном, посеянным не при дороге, а упавшим на добрую землю...**

– И принесшим плод. Даже в тяжелые времена, при крепостном праве, многие помещики занимались, как бы теперь сказали, социальными программами. Говорить, что мы стали милосердными оттого, что плохо живем, неверное, неправильно. Что принесла нашей стране революция? Люди начисто забыли о милосердии. Шли брат на брата, сосед на соседа. Писали, доносили... А жили при этом все – не позавидуешь. Причинно-следственная связь в другом. Большевики отменили религию, поставили ей в противовес новое мышление, извратив христианские ценности. Это был не стихийный порыв, а методичная, целенаправленная война против главного врага – Церкви. Одно из наиболее

действенных орудий в этой борьбе – голод. Голодному человеку не до высоких материй, короче – не до Бога. А до милосердия – тем более. Общество должно быть сильным, стойким, поскольку кругом враги, – вот алгоритм той эпохи. Инвалидов просто прятали от посторонних глаз, чтобы не портили образ нового человека. Детский сад должен был в конечном счете заменить ребенку дом, а советский педагог – маму. Эксперимент, как и положено, провалился, но последствия горького опыта мы будем ощущать еще долго. Очень тяжело вернуться на путь, с которого нас когда-то увели.

– **Отец Михаил, если взять современное западное общество, ту же «любимую» Америку, там ведь неплохо обстоит с милосердием?**

– Весьма неплохо. Это очень пуританское общество, я имею в виду Штаты. У них много семейных традиций, по воскресеньям они ходят в храм, со всеми детьми... Проявление милосердия считается неотъемлемой частью их бытия.

– **Но это скорее этическая, а не религиозная норма.**

– Интересно, в чем вы видите различие между ними? Тому, на кого направлено дело милосердия, в конце концов неважно, чем руководствовался благодетель.

– **Различие, на мой взгляд, в том, что западное милосердие, назовем его так, не связано с идеей личного спасения для жизни будущего века. Это принятые в обществе обычаи, движимые совестью, иная подобная мотивация, но не спасение души.**

– Действительно, это не сотериологическое измерение милосердия. Его можно бы назвать нравственным императивом.

– **Объясните, почему мы так плохо адаптируемся даже к разумным правилам, по которым живут там? Возьмем близкую вам сферу. Ювенальная юстиция, социальные службы... Для нас их рецепты чуть ли не яд цикута.**

– Насчет яда, пожалуй, сильно сказано. Мне кажется, сама жизнь принудила ставить рамки. Просто там они сколачивались постепенно, так сказать по мере возникновения проблем, нас же хотя бы вставить в уже готовый багет, а мы не умещаемся в нем и потому сопротивляемся.

– **Поясните, пожалуйста.**

– Еще совсем недавно мы знали своих соседей, могли не закрывать кварти-

ру, наши дети гуляли во дворе, мы не боялись за них. А какая мама сегодня оставит на соседку своего ребенка? Или пустит его одного во двор? Криминогенность стала очень многообразной, появились виды опасности, о которых мы раньше даже не слышали. На Западе это возникло давно. И родители там постепенно стали понимать ответственность за своих детей. Это стало не просто внутренним делом семьи, но законодательной нормой. Вникните в разницу посылов: у нас – *опасно* пускать пятилетнего ребенка через дорогу в магазин; у них это *запрещено* законом. Иными словами, закон защищает ребенка от безответственных, малосознательных родителей. Сейчас, повторюсь, появилось много видов опасности для ребенка, особенно в маргинальных семьях: его могут не кормить, содержать в унижительных условиях, бить, подвергать насилию. По мере нарастания в обществе негативных явлений развивался законотворческий процесс. Но там это шло постепенно, десятилетиями, а на нас свалилось все и сразу. Многие становятся в оппозицию: это, мол, семейное дело. Извините, когда ребенок в опасности, это уже дело общественное. А теперь конкретно – о западных стандартах. Некоторые общественные организации пытаются применять их как есть. Это ненормально, отсюда и напряжение. Надо лучшее из них вводить в наши программы, не игнорируя при этом ни наши национальный, религиозный, исторический аспекты, ни реалии нашей действительности. Тогда получим оптимальную модель. А иначе будет как в поговорке: что русскому хорошо, то немцу смерть, только наоборот.

– **Что вы имели в виду под национальным аспектом?**

– Нашу ментальность. Русская мама считает естественным шлепнуть ребенка по попе то ли в назидание, то ли выражая свою любовь. У них такое невозможно! А если это сделал еще и папа... У Запада, к сожалению, есть довольно горький и богатый опыт. Так что будем сдержаннее в оценках.

– **Вы, наверное, еще меньший, чем я, поклонник телевидения. Но все же смтрите. Конечно же, вам знакомы ток-шоу, где обсуждаются различные нравственные коллизии. Когда речь о чьей-то беде, все готовы отдать последнюю рубашку, и это вполне ложится в русло добродетели. Но если сюжет касается какого-то безнравственного**

поступка, те же люди готовы раззять «героя» на части. И попробуй заикнуться о милосердии! Это – как?

– Кроме чувства милосердия у нас есть чувство справедливости. Справедливость без милосердия, без любви – это жестокость. К тому же существует еще так называемый фактор толпы. На телевидении знают, как им пользоваться, чтобы манипулировать людьми. Так что исследовать человека через призм ток-шоу и тем более делать из этого выводы о нравственном или – еще шире – религиозном состоянии общества я бы не стал.

– **Получается парадокс. Отстаивая свои представления о том, каким должно быть милосердие, мы исходим вроде бы из самых добрых побуждений. Но категорично отвергая при этом любой иной опыт, мы ущемляем интересы наших же детей. В итоге безусловной добродетели наносится ущерб.**

– Любая однобокая позиция опасна. Лозунг «Руки прочь от семьи!». Казалось бы, что плохого? Но не будь он таким свирепым и бескомпромиссным, кто знает, может, и не случилась бы памятная всем трагедия в Нижнем Новгороде. Социальные службы могли бы ее предотвратить, изолировав детей от больного отца. Ведь мама предупреждала, звонила... В итоге погибла вся семья. Ведь что такое интересы семьи? Это интересы каждого, кто в нее входит. В том числе и детей любого возраста. И если детям в этом крохотном социуме опасно или очень плохо, их нужно поместить в другие условия. В этом выражается соблюдение интересов семьи. А отнюдь не в том, чтобы вопреки очевидному удерживать от окончательного распада сгнившую «ячейку общества». Если отчий дом не в состоянии обеспечить безопасность ребенка, его однозначно нужно оттуда забирать. Действия хирурга – крайняя мера. Но прежде чем пустить в ход скальпель, нужно испробовать методы терапии. Аналогия с задачами социальной службы понятна? К сожалению, в нашем общественном сознании, и во многом с подачи телевидения и газет, укоренился стереотип: социальные службы – это карательные органы, цель которых разлучать детей с родителями. Ничего подобного! Это лишь крайняя мера. Просто наши массмедиа в погоне за жареным подсовывают эти ситуации под увеличительное стекло. Кому интересно смотреть или читать, как социальные ра-

ботники или добровольцы ходят в магазин, или купают, или выводят на прогулку одинокую бабулю? От этого адреналин не появится. А ведь именно здесь подлинное милосердие и добродетель.

– **Нужно сказать, оголтелая категоричность стала занимать в нашей жизни весьма заметное место. Что бы и кто бы ни предложил – мы всегда против, у нас всегда есть свое, особое мнение. Появилась какая-то болезненная чувствительность к своим правам, к нарушению так называемого личного пространства. Откуда это?**

– Это важная, очень глубокая тема. Она требует отдельного разговора. Но я бы не стал выделять нас в отдельную страту. То, что происходит сегодня с нами, происходит во всем мире. У нас, к счастью, даже более замедленными темпами.

– **Тот случай, когда отставание на пользу. Тогда, если позволите, последний вопрос. Меня всегда занимала евангельская притча о неверном домоуправителе. Знаю, она вообще считается очень многослойной. Когда я готовился к нашей встрече, мне вдруг открылся еще один ее смысл. Мне подумалось, что идея спасения человека у Христа настолько высока, что подделка расписок, то есть личная неупорядоченность домоуправителя, даже не ставится ему в вину. Надеясь заслужить благодарность должников, он спасает себя.**

– Вы знаете, очень интересно! Об этом же, кстати, и в другом месте Он говорит: посмотрите на сынов мира сего – сколько они прилагают сил, чтобы снискать себе богатство; так же нужно стремиться к Царству Божию. Мы должны учиться у этих сынов тьмы. Господь не оправдывает подделку расписок – Он, если хотите, дает понять: не там трудитесь! Как всегда, Христос ненавязчив, говорит о вещах бытовых и знакомых – долги, управитель, расписка, а на деле – это призыв к тому, чтобы думать, стараться, не расслабляться, ибо Царство Небесное силой берется. Это научение равно приложимо к предмету нашего разговора. Милосердие, добродетель – это не эмоциональные всплески, а серьезная, глубокая, вдумчивая работа. Как и спасение души.

– **Помоги нам всем Господь на этом пути. Благодарю.**

– Бог в помощь.

Дом, где согреваются сердца

Стать нищим и бездомным – большого ума не надо. Это вовсе не значит, что большой ум гарантирует благополучие. От сумы да от тюрьмы не зарекайся – без всяких условий предупреждает горькая народная мудрость. Но поразительно! Не каждый и не вдруг стремится вырваться из бедственной ситуации. Парадокс?

Известно: безделье развращает. Трудиться – заповедано человеку Богом. Заглушать этот завет в себе – великий грех. Заглушать его в других – грех не меньший. (Речь, разумеется, не о случаях, когда человек не может трудиться в силу объективных, чаще физиологических, причин). Так что милостыня – не такая уж безобидная добродетель. Ее объекту помощь идет в руки в прямом и переносном смысле, не требуя за это адекватных усилий. Ее субъекту тоже вроде бы душевно: подал копейку – как грех с себя снял, сердце утешил, да и нет-нет погладил себя по шерстке. Знаете, как у иной мамы: на все готова, только бы ублажить любимого дитя. И невдомек, что растит капризулю, эгоиста и бездельника.

Мудрый провидец, святой праведный Иоанн Кронштадтский не только понимал опасность такого милосердия, но и видел выход. Он считал, что опекаемые должны жить по-христиански и непременно трудиться. Крыша над головой – да, питание – да, медицинская помощь, учеба – тоже да. Но вера и работа – как ствол древа жизни, от которого отходят упомянутые ветви.

В июне 1874 г. при Андреевском соборе, где служил о. Иоанн, возникло Попечительство св. апостола Андрея Первозванного. В его создании участвовали люди разных национальностей, разных вероисповеданий, разного достатка – от членов императорской фамилии до рядовых горожан. Когда в 1881 г. был убит император Александр II, о. Иоанн предложил увековечить его память постройкой Дома трудолюбия. В основу легли принципы, продуманные батюшкой. К тому времени о. Иоанн был уже хорошо известен, и пожертвования стали приходить со всех концов страны.

Следом за кронштадтским в Российской империи стали возникать аналогичные Дома трудолюбия. После революции 1917 г. все они были закрыты «за ненадобностью», а помощь нуждающимся объявлена заботой государства. Что из этого получилось, известно.

Когда в октябре 2011 года возникло содружество по имени «Ной», его созда-

телю и руководителю Эмилиану Сосинскому не нужно было придумывать своему детищу концепцию. Все было придумано и отлажено задолго до него – Дом трудолюбия отца Иоанна Кронштадтского. Эмилиан – человек, который, к счастью, не одержим манией самоутверждения (есть, знаете, люди, у кого всегда «Все очень просто!», будь то дискуссия, или поиск решения, или новое дело. То есть все, что было прежде или есть сейчас, никуда не годится, а вот они... Сторонитесь таких). Он сделал первый шаг – арендовал пустующий дом в Подмоскowie и приютил первых бродяг...

Статистика – штука не эмоциональная. Но вызывать эмоции она может. А те, в свою очередь, рождают желание действовать. Сегодня у «Ноя» девять Домов трудолюбия, в которых живут более 400 человек, и один Социальный дом, для сотни тех, кому не по силам тяжелая физическая работа – престарелым, инвалидам и женщинам с детьми. За эти годы роздано 800 тысяч порций еды, почти 26 тысяч человек смогли переночевать под крышей «Ноя» (не нужно думать, что все они там живут). Без малого девять тысяч бездомных прошли медосмотр и получили несложную помощь, а это для «людей улицы» большая проблема. Почти такая же, как легализоваться – восстановить утраченные документы (паспорта, пенсионный и медицинский полисы), а вместе с ними и гражданские права.

Здесь не отказывают никому. Принимают любого. На ночлег? – на ночлег. Накормить? – накормить. Но при условии – если хочешь остаться (чтобы не плодить бродяг-иждивенцев). И самое бескомпромиссное – не пить (и не колотья); соблюдать дисциплину; не бездельничать. В биографии «Ноя» зафиксировано более четверти миллиона трудодней, заработанных его подопечными. Эти деньги – основной источник финансирования Объединения, на них содержатся обитатели Социального дома, примерно половина остается на зарплату. Работа, конечно, не сахар, но и квалификация тружеников – сами понимаете... За годы безделья и от гвоздя с молотком отвыкнуть можно.

Но что главное – люди ра-бо-та-ют, они едят хлеб, не поданный им из сострадания, не украденный, – заработанный честным, хоть и нелегким, трудом.

Не нужно думать, что все так уж благостно и пушисто в «Ное». Проблем хватает. И принципиальных, когда сталкиваются разные взгляды. Одни, и «Ной» стоит на том же, считают, что неимущему следует дать удочку, а другие – что оделить готовой рыбой. Разный подход не позволяет объединить усилия, средства, людские ресурсы. Не сразу и не везде удается найти общий язык с местной властью: иные не хотят отягощать свои территории «трудным контингентом». Хотя, если вдуматься, уводя бездомных с улиц под крышу, давая им работу, оказывая медицинскую и юридическую помощь, «Ной» как раз снижает преступность, санирует и социализирует общество. А сколько трудностей с помещениями!.. То владелец отказывается предоставлять аренду, то взвинчивает плату, зная, что деваться некуда, да мало ли рогаток ставит рогатый на пути доброго дела...

Что за человек Эмилиан Сосинский? Почему взялся за это дело? Для чего кладет на него все силы, все время? Он не знает, где будет через час, какая возникнет коллизия, что придется предпринимать. Он связал себя с людьми действительно трудной судьбы. Наша с ним встреча тоже состоялась не сразу.

Павел Демидов

Тем, у кого статистика все же вызвала эмоции и побудила к действию, – реквизиты «Ноя»:

к/с 30101810400000000225

Р/С 40 70 38 100 38 0000 69 721

БИК 044 525 225 Московский Банк
ОАО «Сбербанк России»

ИНН 77 33 19 16 09

КПП 77 33 00 1

Обязательно в переводах указать вид платежа – ПОЖЕРТВОВАНИЕ.

Получатель: Межрегиональная общественная организация социальной адаптации лиц без определенного места жительства «Дом трудолюбия НОЙ».

Деньги также можно перечислить на:

- *счет Яндекс.Деньги:*

410012209222596

- *карту Сбербанка:*

6762 8038 8051 845 631

Нужно научиться жить вечно еще на земле

– Тема нашего номера: «Для чего мы приходим в этот мир?». Если бы спросили у меня, я бы ответил: «Чтобы спастись и спасать». А как бы ответили вы?

– Я бы добавил: «Спастись – это прежде всего, потому что спасение других – есть спасение и себя». Об этом так прекрасно говорит Серафим Саровский! Спаси себя сам, и вокруг тебя спасутся тысячи.

– То, чем вы занимаетесь, и есть один из путей к спасению?

– Как известно, узки врата в рай. Вообще-то их не так много, этих путей. У того же батюшки Серафима я когда-то прочитал: это или постничество, то есть строгая, воздержанная жизнь, или подвиг молитвы, или благотворение. Я выбрал третье.

– Когда и как это произошло? Случайно или в результате размышлений?

– Что именно? Осознание, для чего вообще живешь, или понимание, что нужно жить именно так?

– Что нужно жить именно так.

– Первые два года своего воцерковления я пытался и молиться сугубо, и постничать. В итоге меня увезли по «скорой» с диагнозом «голодный обморок на фоне переутомления». Точно как в поговорке о дураке, который, молясь, лоб расшиб. Я понял: этого та-

ланта у меня нет. Путь молитвенника или постника просто не по плечу...

– Так что ваш теперешний путь – в какой-то мере вынужденный?

– Я бы так не сказал. Скорее, разумный. Еще до прихода к вере я занимался чем-то похожим. Например, с трудными подростками. Даже в педагогическом учился! Я люблю и, пожалуй, умею работать с людьми. Можно, конечно, сказать, что вот, мол, пошел по самому легкому для себя пути.

– Это ваш-то путь легкий?! Что-то я не видел очередь желающих занять ваше место.

– Кому что. Разве плохо заниматься тем, что интересно? И даже приносит какую-то пользу. У вас не так?

– Пожалуй, так. Вам православие подсказало этот путь?

– Представьте, нет! До 2003 года я был атеистом, причем, знаете, таким...

– Надеюсь, не воинствующим?

– Свято верующим в то, что Бога нет. Так выучили в школе, и это был для меня не пустой звук. Помню, в начале 90-х как-то зашел в церковь, а я был уверен, что верующие – это сплошь неудачники и слабаки, которые непонятно на кого надеются, когда надо надеяться на себя. Развел я там свою атеистическую лабуду и вижу: сидит бабуля и смотрит на меня как на дурачка. Жалостливо так смотрит... И с улыбкой.

– А что случилось в 2003 году?

– Я почувствовал себя в тупике. Нет, у меня все было как нельзя лучше: добился всех поставленных задач, говоря по-современному, закрыл все направления, а что дальше?

– Одни в таких случаях спиваются, другие кончают с собой.

– Мне не грозило ни то, ни другое по определению. То, что вы назвали, – это тоже выход, пусть дикий, извращенный, но какое-то движение. А у меня был просто тупик. Утром просыпаешься и – одно за другим, знаешь, как пройдет день, потом – неделя, потом – месяц... Это же с ума можно сойти! Классическую тягу к суициду сдерживал инстинкт самосохранения, но порой просто не хотелось просы-

паться. Я был – как птица в клетке, но не та, которая тихо сидит на жердочке, а которая мечется, бьется о прутья, ищет выход.

– Такой птице и золотая клетка не в радость.

– Вот именно! Перезнакомился со всеми религиями, изучал философские течения, пробовал какие-то медитативные практики, психологические тренинги... Все впустую! Я тогда работал инструктором автовождения, и одна моя ученица, уже взрослая дама, видя мои метания, сказала: «А ты покрестись». Понятно, я пропустил мимо ушей. Видимо, еще не окончательно ослеп – прозревать было рано.

– Прямо как у апостола Павла.

– Это я уже потом про него узнал. В общем, никакие практики и методики ничего не дали, никакая религия не зацепила – полная труба! И я вспомнил тот совет. Терять-то нечего... Ученица дала мне рекомендацию, и я поехал, как велела, в Радонеж к одному старцу.

– Представляю, как читатели ждут фразу типа «и случилось чудо».

– Оно и случилось. Только с противоположным знаком. Когда кончилась служба, старец забрал с собой в келию всех, кто приехал к нему. Всех, кроме меня! Я сунулся было, но он как отрезал: «А вас к себе не приглашаю». Не помню, когда я получал такой щелчок. Две недели, которые прошли после этого, были, наверное, самыми мрачными. Дошло до смешного: стал искать смысл жизни в интернете. Забил в поисковую строку два этих слова и получил ссылку на книгу русского религиозного философа Семена Франка. Она так и называлась: «Смысл жизни». Читаю и чувствую, что нахожу ответы.

– Вот уж кто действительно потерял все! Родину, близких, друзей, работу... Его же изгнали из страны в 1922 году. На позорном ленинском «философском пароходе». И с ним еще двести с лишним лучших представителей русской интеллигенции. Можно сказать, что книга вправила вам мозги?

– Далеко не сразу! Фокус в том, что сначала я ее не воспринял как религиозную. А через несколько десятков страниц вдруг появилось слово *Бог*. Я и бросил читать. Но легче не стало – та же муть. Я буквально насильно дочитал книгу и поехал в Троице-Сергиеву лавру креститься. Заприметил одного монаха, подхожу: «Хочу с вами поговорить». А он: «Чего тебе со мной говорить? Тебе нужен ученый, а у меня три класса образования». И вторая попытка провалилась.

– Крепко за вас взялся Господь. Началось ведь с того, что вы чуть ли не одолжение Ему делаете?

– Вот-вот. Я еще не был окончательно уверен в правильности выбора. Но мне подсказал другой мой ученик: твой путь – православие. Между прочим, считал себя магом.

– Оп-па!.. Вот уж действительно Дух дышит, где хочет.

– В общем, мне, опять по благу, дали координаты какого-то священника. Он сказал, что перед крещением нужно меня хоть чему-то обучить.

– Теперь все проходят обязательную катехизацию.

– Так то – теперь. Он занимается со мной, и я вижу, как ему тяжело.

– Физически? Болел, что ли?

– Трудный клиент достался. Теперь я понимаю, какие дурацкие вопросы задавал. У него просто лицо пятнами шло... Та ученица дала еще координаты батюшки, который служил в Красногорске. Надо прийти и сказать: «Я от матушки». Я думал, что это какой-то пароль, а оказалось – просто его жена. Мы с ним говорили четыре часа! И это после вечерней службы, после того, как он исповедал не меньше двадцати человек. Я задаю ему вопросы, он начинает отвечать, и я чувствую – это то, за чем я куда только ни мотался! Где для меня был тупик – оказалось, есть тропка. Где был сплошь бетонный забор – появилась лестница наверх. Я его буквально забросал вопросами. Как будто все время шел по раскаленной пустыне – и тут вдруг родник!

– Он спокойно реагировал?

– Абсолютно! Это было не спокойствие равнодушного человека, а понимание и желание помочь. И это чувствовалось.

– Помытарил вас Господь. Видно, испытывал.

– И вот что еще! Все священники, с кем я общался до этого, довольно далеко от меня. Поддерживать с ними постоянную связь было бы трудно. А Красногорск – вот он. И работа, и дом, и храм – все рядом. Как же не верить, что Господь все устраивает к лучшему?

– После Крещения ваша жизнь изменилась? В чем?

– Я называю этот период духовным запоем. Я проглатывал книгу за книгой. Из наушников не вылезал. Евангелие выучил практически наизусть. Мне батюшка сказал, что Священное Писание нужно читать каждый день, и я делал это. Так продолжалось два года. Я понял, что, если так и дальше, это будет уже бесполезно. Нужно спокойно осмысливать постигнутое и применять в жизни. То есть стать практикующим христианином.

– Надо сказать, у вас был непростой путь.

– В той, прежней жизни я был буквально в шаге от гибели. Прежде всего – от гибели духовной. В любой форме – от бомжевания до самоубийства. Если бы мне сказали тогда, что нужно вообще все бросить – работу, дом, семью – и начать жить по-другому, чуть ли не стать монахом, я бы, наверное, принял и это. Но это тоже было бы для меня губительным. Даже морковка не будет расти в любой земле, а уж человек – тем более.

– В вашем случае было очень важно получить правильную помощь.

– За это я всегда буду благодарен своему первому духовнику.

– К которому вы пришли «от матушки». А ваша жена – церковный человек?

– Она была крещена. Но только потом, спустя эти два года, я понял, что быть крещеным и быть воцерковленным – не одно и то же. Я даже заявил ей, что она – язычница в чистом виде, а православие нужно, только чтобы попросить Бога получить квартиру. Хотя я сам тоже был когда-то хорош. Первую дочку вообще крестили втайне от отца-атеиста, то есть от меня. Я был против!

– Кто крестил?

– Жена и теща. Они считали: раз ты человек, а не собака, то должен быть крещен. Это было в 94-м году. Ког-

да крестили сына, я уже присутствовал, хотя еще оставался неверующим. В храме совершалось таинство, а я сидел во дворе на лавочке и доказывал какой-то бабуле, что Бога нет. Это 2000 год. А последнюю – дочку – 2010 года рождения...

– Вы же сами крестили.

– Нет, я не даю ее крестить, пока жена не начнет жить церковной жизнью.

– Сурово.

– Жена должна освящаться мужем, учит Апостол. Я не принимаю смесь язычества с христианством. И потому против крещения «на всякий случай». Я говорю жене: ты хотя бы катехизацию пройди. Батюшка один дал ей книги, она их пока не прочитала, но начала поститься по средам и пятницам. То есть процесс пошел.

– Помогите вам Господь.

– Правда, как-то я исповедовался у одного священника, а он не разрешил меня от грехов и чуть не на весь храм стал кричать. За то, что не даю крестить дочку. У каждого, наверное, своя правда...

– Будем надеяться, что в крещении третьего ребенка вы уже будете участвовать лично и что это случится скоро.

– Дай-то Бог.

– Ваша работа не из простых. С людьми вообще работать не просто, а здесь – тем более. Строишь, строишь, а потом – бац!.. Бывали у вас ситуации, когда накатывало отчаяние?

– Не помню, у кого я вычитал, что истинность религии проверяется практикой.

– Высказываний на эту тему много. Например, у патриарха Алексия II: «Вера не доказывается, а показывается». Или в Соборном Послании апостола Иакова: «...как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (2:26).

– Если вдуматься, эти слова и еще об одном очень важном компоненте православия. Они говорят: будешь верить – непременно найдешь выход. Так, во всяком случае, стало у меня, когда я пришел к Истинному Богу. У меня не было практически ни одной безвыходной ситуации. Всегда находилось решение. Теперь я не знаю, что

такое отчаяние. Зато хорошо знаю, что такое ад. Это то состояние, в котором я пребывал раньше. Ведь до чего доходило? Одно из «учений» говорило, что подлинная жизнь протекает во сне, а что наяву – это только нам кажется. Ничего себе! Я и старался спать как можно больше, чтобы так решить свои проблемы. Вспомнишь – жуть берет!

– **Через вас прошло уже довольно много людей. Как, по вашим наблюдениям: отличается поведение верующего человека от того, как ведет себя неверующий?**

– Я вот сейчас пытаюсь вспомнить, кто у нас верующий, чтобы прошел всю цепочку. Если быть честным, большинство из тех, кто называет себя верующими, этим только прикрывается. Чтобы увильнуть от работы. Такой приходит, начинает рассказывать, в скольких монастырях он побывал, какие знает молитвы, а доходит до дела – он или делает его плохо, или вообще не делает. Говорит, что работа – это не его служение. Да по его поведению, когда пытаешься приобщить его к духовной жизни, сразу видна и его «вера». Вспомнил! Был у нас парень, правда протестант, вот он старался честно жить, по вере. Потом женился на девушке, которая нам помогала. Он отличался от остальных в лучшую сторону. Пожалуй, больше и не назову.

– **Наверное, я задал неверный вопрос. Подлинно верующий вряд ли допустит себя до такого состояния, когда единственная возможность не погибнуть – это ваш «Ной».**

– Пожалуй. Но исполнение правил духовной жизни входит непременным условием в наш устав. Тут мы стараемся точно следовать батюшке Иоанну Кронштадтскому.

– **Рискну задать вопрос, который может показаться банальным. Но он не устаревает, потому что на него нет однозначного ответа.**

– Не о смысле ли жизни?

– **Представьте, да. У нас же это тема номера. Смысл един для всего человечества или у каждого свой? Если у каждого свой, может ли он меняться с годами или под воздействием обстоятельств?**

– Не берусь судить о всем человечестве. Что до меня... Смысл моей жизни я, как, верно, каждый православный,

вижу в том, чтобы спастись для жизни будущего века. Это, так сказать, рассуждая отвлеченно. А конкретно – делая то, чем занимаюсь, в моем служении. Иначе говоря, пытаюсь помочь другим спастись, тем самым спасаю себя.

– **Вы не находите, что православие – очень разумная, рациональная религия? Если не ставить знак равенства между рационализмом и эгоизмом.**

– Конечно. Нет, со временем смысл, считаю, меняться не может. Цели, задачи – другое дело, но не смысл.

– **Но до прихода к вере ваш смысл заключался, если так можно сказать, в отсутствии смысла. А с верой все изменилось.**

– Но тогда это был не я сегодняшний. То был другой человек.

– **Это как раз то, что я хотел от вас услышать. В каждом номере мы публикуем анкету с вопросами вокруг главной темы. Как бы вы ответили на них?**

– Какая самая большая радость в моей жизни? То, что я стал верующим. А самое большое огорчение – что не хватает духовных сил для действительно духовной жизни... Чему я больше всего завидую? Я бы сказал: кому завидую? Как раз тем, у кого эти духовные силы есть... Уязвываете ли вы вашу земную жизнь с вечной жизнью вашей души?.. Однозначно – да! И это очень сильно меняет жизненные приоритеты. Когда понимаешь, что потом не удастся оправдаться за то, что... Да лучше, чем в первом псалме, не скажешь: «Блажен муж, который не пошел на совет нечестивых, и на путь грешных не вступил, и не сидел в сборище губителей...». Если живешь, отбросив отрицательную частицу «не», то и не «блажен» вовсе, и на свое пакибытие не жалуйся. Любое земное дело конечно, а человек, он вечен. И потому никакое земное дело не стоит того, чтобы ради него причинить вред своей бессмертной душе. Иными словами, человек должен научиться жить вечно еще на земле. А это значит – должен помнить, что каждое его слово, каждый поступок навеки запечатлевается в Книге жизни... Какой там последний вопрос?.. Интересно, что я тоже задавал себе его. До тридцати трех лет, то есть до своего обращения к Богу, я всегда говорил, что нет, не хотел

бы начать жизнь заново. Потому что считал, что за исключением каких-то мелочей все делал правильно. А теперь я готов был бы изменить почти все. Но поскольку такое невозможно, я стараюсь компенсировать прошлое своей теперешней жизнью. Знаете, это не просто – осознавать, что многие годы ты, оказывается, шел не в ту сторону. Что все, чего ты всю жизнь добивался, чего достиг, – как раз есть то, с чем сегодня приходится бороться.

– **Есть масса людей, которые не понимают этого и по сей день.**

– Мне-то от этого не легче.

– **А жизненный опыт, который вы приобрели? Он не имеет цены?**

– К сожалению, он не с тем знаком.

– **Но, может быть, без этого вы бы не пришли к Богу. Мы же не из тех счастливых людей, кто рождается в вере, в вере живет и верой окружен с первых шагов. Наш путь – это неизбежный путь проб и ошибок. Главное – что он есть в нашей жизни, этот Путь. Вот вы нашли его для себя, а теперь за вами вон сколько людей идет. Они вам верят, на вас рассчитывают...**

– Главное здесь другое. Наш «Ной» – действительно корабль спасения. Он дает потерявшемуся в этом мире возможность вновь обрести себя, почувствовать себя человеком. Пусть очень грешным, пусть еще далеким от веры, но – человеком. Таким, которому на заре жизни наказал Господь: «В поте лица твоего будешь есть хлеб...» (Быт. 3:19).

– **Может быть, это и станет его первым шагом на пути к спасению. Помощи Божией вам и всей вашей команде.**

– Благодарю вас.

СКРЕПЫ

Велика сила покаяния, если она делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души.

*Святитель
Иоанн Златоуст*

Ничто не проходит бесследно

Много лет назад, еще «при советах», я отметил за собой некую особенность. Иной раз, проходя каким-то старомосковским переулком, я вдруг ощущал потребность остановиться и осенить себя крестным знаменем. При этом какая-то светлая радость подступала к сердцу, хотелось чуть ли не петь. Я стал внимательнее относиться к себе и начал более пристально присматриваться к местам, которыми я проходил.

Как я уже отметил, эти явления начали проявляться во мне в «эпоху строительства коммунизма», родовым признаком которой был дефицит многих нужных людям вещей и полное отсутствие литературы, выходящей за рамки марксистско-ленинских представлений о жизни. Но благодаря умным и эрудированным людям, преимущественно зрелого возраста, мне удалось выяснить, что описанное выше состояние возникает у меня там, где когда-то стояли православные храмы. Тогда же я узнал, что моя любимая улица Алексея Толстого (дело было в 70-х годах прошлого века) до 1945 года называлась Спиридоньевской, или просто – Спиридоновкой, и на ней стояла единственная в Москве церковь во имя святителя Спиридона, епископа Тримифунтского. Храм этот уничтожили в 1930 году. А сколько еще таких страниц хранит историческая память нашего города...

В наши дни общество постепенно духовно прозревает. На стенах некоторых домов в центре Москвы наблюдательный пешеход может разглядеть мемориальные доски с текстом, начинающимся словами: «На этом месте находилась церковь...». История каждой уничтоженной в советское время церкви поистине уникальна: все они построены в какую-то интересную эпоху стараниями и попечением наших государей и великих князей, полководцев, государственных мужей, промышленников и купцов, людей самых различных общественных сословий и профессий. Многие православные храмы, построенные до революции, – это зримая благодарность Богу за дарованные нашим предкам победы, за избавление от нашествий вражеских полчищ, за спасение от страшных эпидемий, от разрушительных стихийных бедствий, благодарность за редкие годы мира и благоденствия на нашей земле. Каждый такой храм – это живое свидетельство о важных исторических событиях, о при-

Так когда-то выглядела Троицкая церковь в Больших Лужниках

нятых судьбоносных решениях, о людях, созидавших нашу страну, ее государственность, культуру, промышленность, армию и флот.

Уничтоженные храмы не ушли в никуда. Последующая история мест, на которых они стояли, также уникальна. На одних были построены важные административные здания и общеобразовательные школы, на других – станции метрополитена, научные институты, жилые дома, другие объекты городского хозяйства. Мне кажется, было бы интересно взглянуть на истории этих учреждений под углом зрения, основанным на нашем знании о храмах, находившихся прежде на их местах.

Сегодня мы публикуем первый материал в рамках нашего нового специального проекта. Кроме познавательной цели он, как нам кажется, поможет решить одну немаловажную нравственную проблему. Среди нас живет еще довольно много людей, близкие родственники которых были крещены, венчаны или отпеты в церквях и соборах, которых уже нет на карте Москвы. Эти люди лишены возможности прийти в храмы, сыгравшие весьма важную роль в биографиях их родных и близких, помолиться о них, поставить свечу... И мы хотим помочь этим людям хотя бы мысленно побывать в исчезнувших храмах и прикоснуться к святыням, которые навечно стали частью их семей, частью нашего города, нашей страны...

К сему: ваш Архивариус

Троицкая церковь в Больших Лужниках (Стрелецкий храм)

В Замоскворечье, недалеко от Павелецкого вокзала, на улице Бахрушина в густой зелени маленького школьного сквера словно притаилась небольшая деревянная часовенка. Там когда-то находилась церковь Живоначальной Троицы, что в Больших Лужниках. На широких, открытых лугах, по преданию, паслись коровы знаменитой инокини Марфы (в миру Ксении Иоанновны Шестаковой-Романовой) – матери первого русского царя из династии Романовых Михаила Федоровича.

Кому не дорог этот самобытный, удивительно своеобразный чудом уцелев-

ший до нашего времени островок старой православной Москвы с его тихими переулками, уютными двориками, зелеными улицами, с его колокольными звонами. Одно слово – Замоскворечье...

Уже к XVII веку эта часть города приобрела свое лицо, обзавелась постоянным населением. Здесь находились слободы, жители которых обслуживали царский двор. Так, середину замоскворецкой части Земляного города занимали «кадашевцы», поставлявшие ко двору холст и полотно. В районе этой богатой слободы было пять церквей. Далее лежали слободы царских

монетчиков, огородников, садовников, толмачей-переводчиков, кузнецов, оставивших след в местной топонимике. Отсюда и обилие в Замоскворечье церквей: слободы ремесленников были отделены друг от друга обширными пустырями, жили в них обособленно, у каждой были свой небесный покровитель и особо чтимый праздник, в честь которых воздвигался храм.

По мере укрепления государства и уменьшения опасности внешнего нападения селились в Замоскворечье посадские люди и торговцы. Они строили здесь

себе дома, а в Китай-городе оставляли одни торговые лавки и магазинчики.

Третьим и очень важным составом замоскворецкого люда были военные.

В XVI веке Василий III поселил там своих телохранителей, а Иван IV (Грозный) – новое войско – стрельцов. Позднее появились казацкие слободы. Стрельцы, как известно, в мирное время торговали и занимались ремеслами. Но когда наступала пора воевать, они немедленно выступали на передовые позиции.

Весной 1677 года турецкая армия под командованием Ибрагим-паши, прозванного Шайтаном, собралась на берегу Дуная и в конце мая выступила на Украину. Численность войска научные источники определяют по-разному – от 60 тысяч до 80 тысяч человек. Ибрагим-паша планировал в три дня взять Чигирин, а затем Киев. На усиление чигиринского гарнизона Москва направила три стрелецких приказа, всего 2197 бойцов. Общее количество обороняющихся составляло примерно 9000 человек.

30 июля передовые части армии Ибрагим-паши подошли к крепости, а 3 августа под ее стенами появились главные силы турок. В тот же день осажденные предприняли первую дерзкую вылазку. На следующий день повторили смелый маневр. Бой на валу продолжался до позднего вечера. Осажденные выбили турок, после чего вернулись в крепость.

В последующие дни турки подвергли город мощнейшей бомбардировке. Однако 7 августа осажденные произвели очередную вылазку: стрельцы и казаки вне-

запным рейдом застали противника врагсплох, и враг был отброшен от крепости.

С переменным успехом осада Чигирина продолжалась до второй половины августа. 17 августа весь гарнизон осажденного Чигирина потрясло удивительное известие. Один раненый стрелец объявил, что во сне ему явился величественный старец в черном иноческом одеянии, который повелел передать осажденным, чтобы они стояли мужественно и крепко и что помощь уже близко. Своей внешностью таинственный монах напомнил набожному воину часто виденный им в церкви образ преподобного Сергия Радонежского. По этому случаю генерал Траурнихт устроил торжественный молебен, в ходе которого священники окропили укрепления

осажденной крепости святой водой. Боевой дух защитников Чигирина весьма укрепился, люди были готовы стоять насмерть и до конца выполнить свой воинский долг.

На рассвете 23 августа защитники Чигирина слышали интенсивную артиллерийскую пальбу и поняли, что объединенное русско-украинское войско подошло к Днепру и приступило к переправе через него. Турки еще несколько раз пытались штурмовать Чигирин. Но в ночь на 29 августа Ибрагим-паша сжег свой лагерь и отступил, признав свое бессилие одолеть православное воинство. Шайтану пришлось отказаться от планов захвата Киева. Столица Древней Руси была спасена. Об этом эпизоде стоит хорошо помнить сегодня, когда предпринимаются попытки поссорить два братских народа и извратить многовековую историю единства России и Украины.

Московские стрельцы, защищавшие Чигирин, с честью вернулись домой. В 1678 году в Больших Лужниках стрелецкие командиры и рядовые приказа полковника Вешнякова на свои средства поставили церковь Живоначальной Троицы в память о героической обороне Чигирина. По сути это был мемориальный храм.

В течение XVIII века Троицкий храм в Больших Лужниках неоднократно перестраивался и подновлялся. Подобно построенным его стрельцам, храм Живоначальной Троицы верой и правдой служил жителям Замоскворечья. В 1858–1861 годы в храме были проведены капитальные реставрационные работы. Средства пожертвовал церковный староста

купец М.Л. Королев. Обновленные главы церкви, новый пол из мрамора, иконостасы и заново расписанные стены сделали этот храм одним из богатейших в столице. Он крепко полюбился москвичам. Не случайно в июне 1861 года храм и дом церковного старосты посетили император Александр II с императрицей Марией Александровной в сопровождении великого князя Сергея Александровича.

В советские годы XX века церковь Живоначальной Троицы в Больших Лужниках разделила участь многих православных храмов России. В 1933 году нарком просвещения А.С. Бубнов и «магушка революции» Н.К. Крупская выдвинули идею сноса храмов и строительства общеобразовательных школ на местах «дурмана и оболванивания детей». В течение 1934–1935 годов этот безумный проект был успешно реализован. Троицкий храм в Больших Лужниках снесли в 1933 году. Вскоре на его месте появилось типовое здание школы под № 525.

Храм был разрушен, но не исчез бесследно. Могучий дух Святой Живоначальной Троицы продолжал действовать в этом древнем, веками намоленном месте и являть свои чудеса. С 1937 по 1947 годы в московской школе № 525 на улице Бахрушина учился будущий выдающийся актер советского и российского кинематографа народный артист СССР Ролан Антонович Быков. В его богатейшей фильмографии есть одна удивительная работа – роль скомороха в фильме А. Тарковского «Андрей Рублев». Преподобный инок, как известно, создал великий образ Святой Троицы. Появление такого фильма в СССР, его показ 17 февраля 1969 года в Центральном доме кино в столице атеистического государства, а затем и на Каннском фестивале было поистине чудом.

В 1941 году в здании школы № 525 были сформированы 9-я и 17-я дивизии народного ополчения. Подобно замоскворецким стрельцам, самоотверженно державшим оборону Чигирина в далеком 1677 году, московские ополченцы героически сражались на полях Великой Отечественной войны, заслонив собой родную столицу от немецких фашистов в самый критический момент.

Сейчас иное время, другая эпоха. Перед страной и перед Москвой стоят, как сейчас модно говорить, новые вызовы. Но нет сомнений, что и в наши непростые дни на месте бывшего храма Живоначальной Троицы в Больших Лужниках вызревают молодые, свежие, талантливые силы, которые помогут на все эти вызовы дать убедительный и правильный ответ.

Как без веры в Бога понять человека?.. Монах Лазарь и А.П. Чехов. Неоконченная беседа

У монаха Лазаря был свой – виноградный – «Вишневый сад»

Имя монаха Лазаря знакомо читателям «Лампады» по тем беседам о русской словесности, которые он вел на страницах нашего журнала. Мы говорили о Лермонтове, о Фете, об Иване Козлове... Это было необыкновенно интересно – посмотреть на судьбы и творчество русских поэтов исключительно с духовной стороны, глазами исследователя литературы и одновременно монашествующего.

Читатель, до того не знакомый с литературоведческими работами отца Лазаря, мог ожидать, что суждения черноризца будут исключительно строги, а приговор суров. Но ни суда, ни тем более приговора в его размышлениях никогда не было. Напротив: монах Лазарь видел в знакомых нам с детства классиках тот свет, который отчего-то не был открыт другим исследователям. И этот свет очень многое прояснял в судьбах писателей. И то, что казалось в их биографиях странным и необъяснимым, оказывалось понятным и зримым. Возможно,

этот свет открывался отцу Лазарю потому, что впереди его огромного опыта исследователя шел ангел с фонариком милосердия и сострадания.

Он никогда не стремился к пониманию писателя через «разбор» его биографии и творчества на составные части (метод столь привычный и для литературоведения, и для преподавания литературы в школе). Стремился не разьять, а соединить то, что и сам писатель порой не успел в жизни соединить. Видел нити таких подспудных духовных стремлений и через это приближался к пониманию Божьего замысла о Батюшкове или Козлове, Лермонтове или Фете...

В дневнике монаха-литературоведа есть запись о том, как он перечитал стихи Якова Полонского и был разочарован. Но удивительно, что это разочарование отец Лазарь не перенес на самого Полонского. «Но не отрину от себя поэта, – читаем в его дневнике, – он искренен, добр...».

Для прикованного к постели человека телефона – единственное средство

связи с людьми. И вот прошлой зимой мы часто, чуть не каждый вечер, говорили с ним о Чехове. Отец Лазарь задумал большую работу об Антоне Павловиче. Мы полагали сделать беседу о Чехове для журнала. Причем – о мелиховском Чехове, к сожалению, недооцененном как чеховедами, так и читателями. А ведь как раз в мелиховский период жизни и по мелиховским впечатлениям был написан рассказ «Студент», самый любимый у Антона Павловича и самый важный для каждого, кто хочет понять Чехова как православного художника.

Почему именно Чехов так волновал отца Лазаря? Возможно, потому, что с Чеховым ушла русская литература XIX века – та литература, которой с любовью всю жизнь занимался отец Лазарь. На Чехове что-то сломалось в нашей словесности, и слом этот, очевидно, поначалу произошел только в его душе. Отчего, почему так произошло и возможно ли было этого избежать – об этом много и мучительно думал монах Лазарь. В мелиховском Чехове он видел какую-то упущенную русской литературой возможность развития.

Период жизни в Мелихове отец Лазарь считал особенно благодатным, счастливым для великого писателя вопреки сложившейся оценке в литературоведении и в читательской среде.

Книгу об Антоне Павловиче написать, увы, не удалось, но в последних дневниковых записях остался эскиз будущей работы, основные очертания замысла. Сердечно благодарим Наталию Афанасьеву за то, что она передала в «Лампаду» эти драгоценные для нас строки. Мне отчетливо слышен в них тихий и взволнованный голос отца Лазаря. Нельзя не почувствовать по мере чтения, как его сокровенный монолог перерастает в беседу. И кажется, это беседа уже не с нами, а с самим Чеховым.

Дмитрий Шеваров

Из дневниковых записей монаха Лазаря

2010 год

28 июня. Читаю «Летопись...» чеховскую. Конечно, отобрано все тщательно, но в их сторону... Но кое-что нельзя было обойти. Чехов очень симпатичен. Не знаю, как позже, но в мелиховский период он может выговорить и такие слова: «Бога нет...». Это немного странно. Может, это не совсем от себя, а как бы общее – среднеинтеллигентское?.. (как бы – «у нас...»). Сочинения Чехова не позволяют говорить о полном атеизме его. И многие дела также. И вообще – душа чувствует (моя), что Чехов не жил без веры. «Летопись» начинается 1894 годом. Промежутки между томами по 5 лет... Когда-то ИМЛИ испечет следующий том? Поразительная медленность.

29 июня. Читаю о Чехове. Жаль симпатичную Лику Мизинову. Разве сравнить с Книппершей? Странно все это. Лица – явно для него, – а он отталкивал ее. И женился на самовлюбленной актрисе-немке. И не нужна она была ему. А впрочем, как поймешь что в чужой судьбе?

9 августа. Дочитал письма Чехова, – 7-й том (5, 6, 7). Мелихово еще не продано, но в Аутке строится дом. Когда-то возьму остальные тома (8–12). Поздновато, но узнаю Чехова. Как жаль, что все же к Церкви он был равнодушен. Хотя много правильного, очень много в нем, – во всем. Русский человек. Редкой красоты душа. Умер без священника, без Причастия.

11 декабря. Вчера читал (перечитывал) Летопись чеховскую. С удовольствием. Хорошо быть с Чеховым рядом. Ближе к душе все чеховское...

2011 год

3 января. Чехов Суворину 17.III.1892 г.: «...В природе происходит нечто изумительное, трогательное, что окупает всею поэзией и новизною все неудобства жизни. Каждый день сюрпризы один лучше другого. Прилетели скворцы, везде журчит вода, на проталинах уже зеленеет трава. День тянется, как вечность. Живешь, как в Австралии, где-то на краю света; настроение покойное, созерцательное и животное в том смысле, что не жалеешь о вчерашнем и не ждешь завтрашнего. Отсюда издали люди кажутся очень хорошими, и это естественно, потому что, уходя в деревню, мы прячемся не от людей, а от своего самолюбия, которое в городе около людей бывает несправедливо и работает не в меру...».

10 января. Все перечитываю «Летопись» жизни Чехова. Хорошо с Чеховым быть в жизни. Твердо, правдиво, тепло.

Рисунок художника Н.З. Панова. 1903

7 сентября. ... Мне жаль, что я не написал «Пушкина». Жаль, что не осилил «Чехова в Мелихово». Время и силы – все ушло.

... Вдруг вспомнил обрывок моего стихотворения, писанного на Кавказе в апреле 1945 года (мне 13 лет):

Ночь...

Неумолчно цикады звенят...

Древний тисс шепчет травам старинные были...

И как волки застывшие горы Кавказские спят.

(Жили в палатках на пустынном, безлюдном берегу Черного моря где-то между Туапсе и Сочи).

2012 год

27 октября. Из ПСС и писем в 30 томах А.П. Чехова. Письма в 12 томах. Т. 5. М.: Наука, 1977.

Мелиховский период (1892–1898). 6 лет.

6 апреля 1892.

С. 44 № 1155. «На Пасху в своей церкви пели утреню и обедню. Из Москвы понаехали гости, которые тоже пели».

6 апр. (Суворину)

«У нас Пасха. Церковь есть, но нет причта. Собрали со всего прихода 11 рублей и наняли иеромонаха из Давыдовской пустыни, который начал служить с пятницы. Церковь ветхая, холодная, окна с решетками, плащаница – это доска в 1½ аршина длиною с тусклым изображением. Пасхальную утреню пели мы, т.е. моя фамилия и мои гости, молодые люди. Вышло очень хорошо и стройно, особенно обедня. Мужики остались предовольны и говорят, что никогда служба у них не проходила так торжественно. (Здесь и далее

подч. м. Лазаря). <...> Кругом много леса. Изобилие скворцов. А скворец с полным правом может сказать про себя: пою Богу моему дондеже есмь. Он поет целый день не переставая».

С. 51. № 1160. I[Конец]. «... Христуюсь и крепко жму руку. Ваш А. Чехов».

С. 67. № 1180. 15 мая 1891. Суворину. Мелихово.

«В Давыдовой пустыни поднимали колокол. Звонит неважно, глухо: говорят, что разбили. Место, где монастырь, похоже немножко на Святые горы. Прекрасная мельница. От нас 2–3 версты. В монастырских прудах кишмя кишит рыба».

С. 68. № 1182. 19 мая 1892. Суворину. Москва.

«Страдания ведут к совершенству».

«Поезжайте в Троицкую лавру и займите там самый лучший номер. Это будет превосходная дача, и не свяжет она вас. Вифания великолепна. Окрестности Лавры тоже...И я бы к вам приехал... «Если я пойду когда-нибудь в монахи (у меня есть склонность к затворничеству), то буду молиться за вас».

С. 195. № 1308. 1 апр. 1893. Лейкину Н.А. <...> Мелиховские мужики и бабы ходят с поздравлениями. Здесь очень ласковый народ. Вчера хор парней пел у нас разное божественное.

Т. 6. М.: Наука, 1978.

С. 107. № 1625. 6 декабря 1895. Суворину. Москва.

<...> «Сегодня св. Николая, в Москве малиновый звон, я встал рано, зажег свечи и сел писать, а на дворе звонили, было приятно».

Т. 7. М., 1979.

С. 307. № 2451. 24.X.1898. В.М. Лаврову из Ялты.

«Если поеду куда-нибудь отсюда, то недалеко и ненадолго. Вероятно, побываю на Афоне».

Чехов в воспоминаниях современников. М.: Худ. лит., 1986.

И.Н. Потапенко. Несколько лет с Чеховым (К 10-летию со дня его кончины).

<...> «А.П. стыдливо умолчал о том, что и он сам пел, – правда, не романсы, а церковные песнопения. Им научился он в детстве, когда под руководством отца пел в церкви.

У него был довольно звучный басок. Он отлично знал церковную службу и любил составлять домашний импровизированный хор. Пели тропари, кондаки, стихиры, пасхальные ирмосы. Присаживались к нам и подпевали и Марья Пав-

ловна, сочувственно гудел Павел Егорыч, а Антон Павлович основательно держал басовую партию.

И это, видимо, доставляло ему искреннее удовольствие. Глядя на его лицо, казалось, что в такие часы он чувствовал себя ребенком».

23 декабря 2013 года

Дорогой Антон Павлович! Что скажу о себе? Я писатель-самоучка 81 года возраста, автор почти 60 книг (во – настрогал!). Я по сути биограф, и биограф с русским интересом. Поэты XIX века – Козлов, Жуковский, Батюшков, Рылеев, Языков, К. Р., Фет, Лермонтов, сюда же – Столыпин, сюда же жития (большие) святых наших, старцев Варсонофия, Антония (Путилова), Нектария, Анатолия (Зерцалова), Иосифа, Амвросия Оптинских, – все это русская жизнь в ее высоком духовном проявлении. Я много болел после 60 лет, но писал. Еще – вл. Филарет Киевский, вл. Игнатий (Брянчанинов), ряд небольших житий (св. Кирилл Новоязерский) и другие. Я – монах (уже 14 лет), но все же сознательно не ушел от литературы. Последние годы думаю много о Вас – и о жизни Вашей, и о писаниях. Почему-то выделяю период Мелихова. Мне кажется – самый счастливый для Вас. Я не ошибся? Чувствую, что это правда. Я опять болею и, может быть, скоро умру, но меня не покидает желание пожить рядом с Вами и написать о Мелихове – это 6 лет. У меня нет Ваших сочинений и писем, нет других книг – воспоминаний Марии Павловны,

Мелихово в дождь

Антон Павлович был не просто прихожанином Рождественского храма – он и пел там в церковном хоре

братьев, писателей, женщин разных. Вряд ли я их добуду здесь в Сергиевом Посаде. А если бы... Я бы понемногу начал работу, уповая на то, что Господь мне, окаянному, поможет. Очень хочется. Я, может быть, не все знаю, но, кажется, никто не написал о Вас правдиво и сочинений Ваших не понял. Многие писали люди, не имеющие веры в Бога. А как без этого можно понять человека? Вот и не знаю, что будет: даст ли мне Господь радость общения с Вами, или я умру с долгом невыполненным... Вот, кажется, и все. Или почти все.

Писал это монах Лазарь в Сергиевом Посаде. 23 декабря 2013 года.

ЧЕХОВ В МЕЛИХОВЕ

Шесть долгих лет он в Мелихове жил,
А с ним отец и мать, сестра Мария.
То было русское обычное село.
Была там церковь, и служили в ней
Ближайшей пустыни Давидовой монахи, –
Тогда там Чехов пел на клиросе

с отцом,
С друзьями из Москвы на праздники
большие.

Все песнопенья с детства помнил он.
Был у него прекрасный мягкий бас.
И как крестьяне были благодарны
Поющим господам, но кто же из них
знал,

Что Чехова отец был крепостной
крестьянин?

Слыхали, что он пишет книжки, но
Как доктора его ценили больше, –
Чуть что какая хворь, – скорей к нему,
Зимой, летом, днем, а то и ночью, –
Не только мелиховцев он лечил,
А всех крестьян по деревням округи.
Вот гости из Москвы – почти всегда

с ночевкой;

Смех, разговоры, тут друзья
Писателя, тут и подруги Маши,
И братья – Михаил, Иван и Александр.
Но в Чехове живет любовь к уединенью,
Монашеский, как сам сказал он, дух...
Встает он затемно и зажигает свечи.
Все спят. Он пишет в полной тишине,
Не замечая бега времени... Рассвет
Подсказывает, что раскрыть окошко
Пора, – и продолжать свой труд...
В те годы, в Мелихове, был он очень
счастлив,
Как не был он ни в прошлом, ни потом.
Здесь был вишневый сад, пруд,
где водилась рыба,

Луга и рощи и цветы в саду.
Зимой снега и санные дороги
Во все концы, на станцию Лопасня,
Куда он посылал возок встречать друзей, –
То были Левитан, Потапенко и Лика
Мизинова, и Щепкина-Куперник,
И многие еще, – им было здесь тепло.
Хозяин был чудесный человек.

16 июля 2013

Каитанка?

В середине июня грозитъ приехать Валентин Курбатов. В деревне у меня есть изба для гостей. Он там любит поспать, почитать, в холодный Енисей ходит купаться, а главным образом мы с ним треплемся да вслух друг дружке читаем Гоголя. Башковитый, высокообразованный и глубоко верующий мирянин Курбатов-то, хоть и в варначем городе Чусовом вырос.

Виктор Астафьев

Последовав дорогой автора, уже не можешь ни остановиться, ни уклониться в сторону – так увлекают и завораживают эти встречи, так много в них глубокого, нового, питающего... Валентин Яковлевич словно бы угадал время... Хотя и чего угадывать, если он жил в нем...

Валентин Распутин

Валентин Яковлевич Курбатов – русский человек с абсолютным слухом к родному языку, открытым любящим сердцем и тонкой совестливой душой. Это во все времена

редкое сочетание человеческих качеств, очевидно, повлияло на выбор им писательского труда как способа собиранья и удержания мира в испытаниях грозного двадцатого века, на границе веков и тысячелетий. Любовь и боль, вера и надежда, страстное желание утверждения полноты и многогранности жизни, вера в ответственную созидательную волю человека – вот на что опирается, чего ищет, к чему стремится и что находит в современниках Валентин Курбатов. Обретения, вехи на его профессиональном жизненном пути – люди. Об этом предисловия и послесловия, об этом эссе и литературные диалоги и монологи телевизионных фильмов. Одно из прекраснейших его умений – способность задавать точные и трудные вопросы себе, своим друзьям, современникам в поисках истины. Это дает возможность нам, читателям, принимая и споря, подниматься вместе с автором книги над суетой и собственной рассеянностью к осмысленному принятию своего долга: дружбы, верности идеалам, служения Родине.

Георгий Василевич

Знаю: дерзко выводить слова и ставить их в нужном порядке, создавая, как теперь говорят, *текст*. Не вообще *текст*, а данный, конкретный. Потому что прикасаться ему предстоит к именам, не нуждающимся ни в каких эпитетах. Просто – к Именам. Одни – как Виктор Астафьев или Валентин Распутин – уже выдержали испытание временем, им уже не грозят превратности земной жизни. Другие – еще в пути, а в пути, как известно, может случиться всяко.

Надеюсь, Валентин Курбатов, который как раз и есть из «других», на меня не обидится. Пишу так не потому, что в нем сомневаюсь, что может, мол, еще отчебучить. Пишу так потому, что хочу подчеркнуть: он – живой человек. Если бы знали, какой он живой! Острый, гибкий ум, фантастическая память, тонкая самоирония... Склад речи такой, что, если вправду человек говорит, как мыслит, подобный его интеллекту надо поискать, и не факт, что легко найдешь. Его читаешь (или слушаешь, а это почти что читаешь) – словно пьешь хрустальную родниковую воду, или омываешься этой водой, или плывешь в ней... куда? – а куда он поведет за собой.

О Викторе Петровиче Астафьеве и Валентине Григорьевиче Распутине можно сказать, что они не только писатели-классики, но и классические писатели-прозаики. Рассказы, повести, романы – главная гавань их таланта (у В.Г. Распутина романов, правда, нет). И особь статья – Валентин Яковлевич Курбатов. Не знаю, сыщется ли иной литератор, кто день за днем, месяц за месяцем, год за годом

вел бы записи встреч, знакомств, имеющих место событий, бесед, путешествий по старым и новым адресам, хранил бы всю личную переписку (и копии исходящих)... словом, берег все, чем обтекала его река жизни, чтобы затем уложить все это уже в собственное русло – в мемуары, эпистолярные дневники... Одна только переписка с Астафьевым длилась двадцать восемь лет. И сохранилось все. До последнего знака. Нам, нынешним, чью теплоту камуфлируют телефонные звонки и эсэмэски, имитируя сердечность и внимание, такое даже представить трудно.

Но и Валентин Яковлевич, и Виктор Петрович, и Валентин Григорьевич – да простится мне! – сегодня лишь повод к тому, чтобы назвать еще одно имя. Геннадий Сапронов. В библиомире торговая марка «Издатель Сапронов» – знак столь высокого и всестороннего качества, что его впору ставить на одну полку с доре-

волюционными Брокгаузом или Гранатом или академическим Пушкиным. И это при том, что начинал Издатель Сапронов даже не с нуля, а с ощутимого минуса, без стартового капитала.

Заслуг Сапронова в издательском деле не счесть, еще будет случай с ними познакомиться. Я же – о другом. О величайшей его заслуге перед страной, перед народом, если хотите – перед миром. Да, да, я не боюсь пафоса, ибо в данном случае он более чем уместен. Книги, издаваемые Геннадием Константиновичем, не залеживались на прилавках, хотя это были вовсе не остросюжетные новинки, а наша современная классика, к тому же довольно хорошо известная. Их ждали. Издатель Сапронов, на мой взгляд, одним из немногих видел: люди не утратили тяги к прекрасному, люди хотят, чтобы это прекрасное присутствовало в их жизни. Он видел это и показал всем.

Павел Демидов

Геннадий Сапронов – лауреат Всероссийских конкурсов «Искусство книги», «Лучшие книги года». На Санкт-Петербургском международном книжном салоне в 2008 г. были подведены итоги 17-го конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги года». Событием 2007 г. признано собрание сочинений писателя Валентина Распутина в четырех томах. Победу в номинации издатель Геннадий Сапронов поделил с коллегой из Тобольска Аркадием Елфимовым, выпустившим «Чертежную книгу Сибири, составленную тобольским сыном Семеном Ремезовым в 1701 году». Через год, по итогам конкурса Ассоциации книгоиздателей России «Лучшие книги 2008 года», в номинации «Лучшее издание классической художественной литературы» лауреатом конкурса стал издатель Геннадий Сапронов за выпуск книг в серии «Литературные вечера “Этим летом в Иркутске”», «Артиада народов России» и других.

Вместо послесловия

*(Заключительная глава из книги Валентина Курбатова
«Бегущая строка. Дневник провинциального литературного критика».
2012. Псков. ГП «Дом печати»)*

Как входят в нашу жизнь друзья? Почему-то кажется, что если они настоящие, то мы никогда не можем вспомнить мгновение встречи. Они как-то сразу «оказываются». Ты «опминаешься» сразу посреди дружбы.

Кажется, впервые он «по наводке» Виктора Петровича Астафьева попросил меня о предисловии к книге военных повестей «Вернитесь живыми», которую сам составил к шестидесятилетию начала войны «в благодарность родителям, вынесшим главное испытание века», как было написано в посвящении.

Я ничего не знал о нем к той поре, кроме того, что он был некогда журналистом «Комсомолки», потом гонял машины то ли в Монголию, то ли из нее, пробовал себя в разных бизнесах и не отчаивался. Все было обыкновенно. Мешала сознанию только «Комсомолка», потому что сотрудничество с нею в начальные дни перестройки означало полную противоположность тому, чем жил я, чем жил Распутин, чем – все мы – «старые консерваторы», не торопившиеся вместе с «Комсомолкой» сдавать свое отечество суетной новизне. Но нас сводил Виктор Петрович, и это уже было свидетельством духовной близости. Да и сам Геннадий давно жил иной, не «комсомольской» жизнью, а мы только донашивали свои старые предубеждения. Его издательство поначалу тоже, вероятно, было бизнесом. Он издал военные повести Астафьева и потерпел поражение: умные «сотоварищи» прокатили его, лишив тиража. Но он чему-то научился, издал много разной разности, набивая руку, пока не явился однажды замысел этой книги военных повестей, к которой я и должен был написать предисловие и которая стала первым настоящим его успехом и событием в издательской жизни Иркутска. И не одного Иркутска.

Вероятно, он тогда подумал и о своей марке, о том, что пора принимать личную ответственность за каждую книгу и без страха писать «Издатель

Геннадий Сапронов

Валентин Курбатов

Сапронов». До этого издательство звалось «Вектор» и было еще не очень отчетливо в позиции, как само слово «вектор», которое не показывает стрелки, а только сам процесс движения – без определения куда. На переломе лет и времен, когда порыв Горбачева побуждал «начать» и «углубить» что-то первых предприимчивых людей, кто уловил необходимость движения, но тоже еще не знал, куда двинуться, это было бессознательной хитростью. Точно знаю, что у Геннадия расчета тут не было, а именно – чутье, умное ощущение общего движения во все стороны, желание движения, чтобы только не стоять на месте, потому что были силы, все куда-то шло и самому времени не стоялось на месте и тоже после долгого «сидения» хотелось идти. Вот и явился «Вектор». А за ним скоро пришла пора издавать газету «Зеленая лампа», которая освещала уже более отчетливый круг стола с высокими и духовно верными книгами, этической чистотой и эстетической разборчивостью. Опыт работы с Астафьевым и военными повестями, когда надо было говорить с Носовым и Быковым после горячих по-

этических праздников, где верховодили громкий Евтушенко и тихий Анатолий Кобенков, стремительно вооружал и разнообразил его слух. Да ведь он и жил в Иркутске, а там, какие ты тонкости ни исповедай, все равно знаешь о существенно вернейшем камертоне, которым является В.Г. Распутин.

«Комсомолка» поначалу мешала услышать Геннадия и Валентину Григорьевичу. И это после знакомства с Геней еще было долго его и моей занозой. Мне не работалось по полной, пока они не были вместе. Да и Гене тоже. Мы уже сделали несколько работ вместе. Кроме военных повестей я написал предисловие к «Пролетному гусю» Виктора Петровича – последней книге, которую он, уже безнадежно больной, успел подержать в руках и которой успел обрадоваться. А потом по Гениному настоянию согласился и на издание своей переписки с Виктором Петровичем, когда Виктора Петровича уже не было. Геннадий ломал мое сопротивление, потому что вернее слышал время и уже понимал, что прежние законы, по которым переписка должна была стать историей, дожидаться часа,

когда она не заденет живых, уже не работали. Время сжимается с агрессивной стремительностью, и то, что не будет показано сегодня, завтра безнадежно устареет, а послезавтра вообще будет никому не нужно. И чутье не подвело его: «Крест бесконечный» (название было Генино, и оно было прекрасно) выдержал три издания. Угадка радовала его, и он гордился книгой, кажется, больше, чем я, и торопился представить ее в Красноярске, Москве, Иркутске.

Вот тогда в Иркутске я и попросил Валентина Григорьевича, чтобы мы встретились втроем, что мне тяжело, что они не работают вместе. Валентин Григорьевич отговорился было, что они, в общем, и не расходились, хотя бы потому, что и не сходились. И мы встретились.

А потом все уже просто летело. Это были лебединые издания Геннадия и счастливые работы его неизменного товарища и настоящего открытия в книжной графике и дизайне Сергея Элояна. Геннадий ввел в книгу и этого блестящего и широко известного станковиста, который тоже решил попробовать себя в новой области, и это было победой обоих. В них билось одно сердце, и оттого и четырехтомник прозы Распутина, и его «Сибирь, Сибирь», и «Земля у Байкала» сразу становились издательскими событиями года России. И Гена только успевал получать дипломы.

Он с детской ненасытностью почти для каждой книги искал новые решения и технологии в переплетах, шрифтах, полях. Не для игры, а для того, чтобы предельно подчеркнуть существо каждой новой работы, все стороны ее красоты. А уж какой ценой давались эта красота, мера, художественное совершенство и как они сопрягались с хищными законами рынка, кому не до духовной чистоплотности, – об этом знало только сердце издателя. И усталость немногих его сотрудников.

Его основной бизнес был прозаичен. Это были железные двери из Китая. Конкуренция в этой области огромна и беспощадна. Круг забот немислим: таможи, товарные станции, задержанные отгрузки, опаздывающие контейнеры, бесконечные поездки в Китай, договоры, технологии, конкуренты... Чтобы потом каждая копейка ушла в

счастье книги, где тоже законы не пряник: где типографии (а он работал с ними в Новосибирске, Екатеринбурге, Москве, Китае) своего не упустят, где другие товарные станции и контейнеры, где книгопродавцы и высокие инстанции, в которых надо напоминать о достоинстве и свете культуры, чтобы хоть часть тиражей уходила в библиотеки Красноярска и Иркутска, Омска и Новосибирска.

Зато как отрадны были и как восстанавливали сердце презентации книг и книжные выставки! Я бывал на некоторых представлениях в Иркутске и в Ассоциации книгоиздателей России в Москве. Везде было не поспеть. Это был ритм полета. Вот увидел в старом письме 2003 года, как он показывает астафьевскую «Царь-рыбу»: «27 ноября запланировали представить книгу в Овсянке и Дивногорске. 28-го – в Литературном музее. 29-го помянем Виктора Петровича и переедем с Сережей в Новосибирск. 1-го покажем ее в Новосибирске, второго улетим в Москву и 4-го – 5-го покажем в Ассоциации книгоиздателей».

Таким же горячим праздником была ежегодная зимняя выставка «Нон фикшн» на Крымском валу, где ничего не стоило утонуть: так огромен был этот книжный океан, где кипел муравейник честолюбий лучших издательских фирм, где властвовали империи «Молодой гвардии» и «Азбуки классики», ЭКСМО и «Вагриуса». Но читательская воронка вокруг малого островка «Издатель Сапронов» кружилась весело и неостановимо. И тут скоро являлись договоры, обмены, новые контакты и теперь уже естественный постоянный интерес к тому, что выйдет у «Издателя Сапронова».

Мы возвращались вечерами к его неизменному редактору Агнесе Федоровне Гремицкой, радостно усталые садились за рюмочку. Геннадий открывал книги, которые успел высмотреть у «соперников», и отыскивал лучшее, чтобы применить в своих новых идеях и замыслах. А потом, чтобы ослабла пружина дня и нашлись силы для завтра, он читал только купленного Георгия Кружкова с его иронической лирикой («Но розы севера не страшны русской деве, особенно когда она живет в Женеве») или митька Сапегу с

его русскими хайку («Заболею. Умру. А пока солнце, ветер, вино, траливали...»). Читал с такой артистической тонкостью и смеющимся умом, что и мы смеялись с ним до усталости. И не было в тот час людей счастливее нас и нежнее друг к другу и увереннее, что завтра мы издадим еще чего получше. И еще посмотрим (тайно имея в виду ЭКСМО и «Вагриусов»), кто кого!

А ведь были еще литературные вечера «Этим летом в Иркутске» – как устные книги, как доверчивые беседы, как лаборатория мысли, когда академический театр имени Охлопкова был полон не на артистических вечерах, даже не на литературных чтениях, а на простых разговорах о ремесле и художестве, о Пушкине и Гоголе, об Астафьеве и Колобове. Три лета радости и труда. Когда на сцене стоял один человек и зал тоже чувствовал себя одним человеком, и они были вдвоем с Михаилом Кураевым, Владимиром Толстым, Алексеем Варламовым, Игорем Золотусским, Владимиром Костровым, Александром Шолоховым. И с Геной, с Геной, который держал «весло» этих бесед и правил к любви и единству. И конечно, явилась и книжная серия «Этим летом в Иркутске», чтобы вечера не кончались в читательском сердце.

И вот не знаю, как перейти к последней странице жизни Геннадия. Это был его лучший замысел и лучшая книга, которая только начинает жить и уйдет в жизнь, чтобы стать самой жизнью.

В конце июня – начале июля 2009 года он запланировал провести целую экспедицию с Валентином Григорьевичем Распутиным, Сергеем Элояном, съемочной группой студии «Остров» во главе с Сергеем Мирошниченко, с участием Красноярского педагогического университета имени Астафьева. Предстояло пройти по Ангаре сначала от Иркутска до Братска и Усть-Илимска, где жизнь худо-бедно (часто и худо, и бедно) все-таки устраивалась и распутинская «Матёра» уже ранила слух, потому что была горьким, но уже зарубцевавшимся воспоминанием. А дальше пересечь на катера и пройти от Усть-Илимска до Кодинска по ложу затопления будущей Богучанской ГЭС, где Матёре только предстояло тонуть. Где двух- и трехсотлетние

Где-то в Сибири

села ждали большой воды и торопились, торопились проститься со своей домашней историей, памятью, родовыми кладбищами, налаженным бытом и самой жизнью.

Наверное, это были самые тяжелые две недели в жизни всех участников поездки.

Геннадий хотел видеть рождение книги от самого зачатия и искал нового качества существования текста, потому что книгой были уже сами встречи с усталыми и уже равнодушными ко всему жителями давно перевезенных деревень до Братской. Книгой были резкие диалоги с начальниками Братской и Усть-Илимской ГЭС. Текстом становились лоции, фото- и киноматериалы, плач старых людей и нетерпение молодых, отказ высоких начальников от встречи с экспедицией и хлеб-соль местных властей, которые еще надеялись что-то удержать.

Исподволь делалось ясно, что и сама эта тяжелейшая поездка (труднее всего дававшаяся Валентину Григорьевичу, которому люди торопились выговорить сердце, чтобы самим стало легче), и с надеждой глядящие на нас берега, и прекрасные даже в угасании умирающие, пустующие деревни, и, кажется, даже ненаглядные облака и травы, кресты кладбищ и всякое провожающее нас окно – все уже было каждую минуту готовой, уже сейчас

работающей книгой. Злая беспамятная новь и экономическая бесчеловечность так торопились извести жизнь, что до классической книги дело просто могло не дойти. Жизнь становилась прошлым прямо на наших глазах, и писать ее надо было каждой минутой и каждым днем. И так хотелось, чтобы дни были подольше.

Как великая старуха Анна из распутинского «Последнего срока», учившая дочь, как «обвыть» ее по-человечески, мы прощались с обреченными селами, приговаривая: «Ой ты, Кежда, родима матушка... Ой ты, Едарма, Кеуль, Недокура...». Только уж не «на кого вы нас оставляете?», а на кого мы бросаем вас, как благодарные дети своих матерей, надеясь после этого по-прежнему считаться людьми?

Геннадий глядел во все глаза, снимал, торопился ввязаться во все диалоги, выпрашивал по деревням старые фотографии, словно ощупывал каждый день и час и принимал их в сердце, где они становились какими-то еще небывальными страницами. Он вынашивал Книгу и слушал ее движение в себе с любовью, волнением, тревогой. Он был печален, и он был счастлив, если такое соединение возможно. Рождалось что-то необыкновенно значительное, совсем новое, не бывшее в мире. И его издательское сердце горело этой новизной, болью, тревогой и догадкой

о совершенно сегодняшнем технологически едва рождающемся в новом времени книжном делании. Каждый день был книгой, и он был автором, который мог на ходу уточнить «текст» жизни. И мы волновались, чувствуя это рождение и еще не умея назвать его.

Мы расстались в Красноярске, договорившись на будущий год пройти остаток Ангары до Енисея, уже зная свои силы и свои возможности, уже предчувствуя, что мир можно если не образумить, то хоть задержать его падение. Я вернулся в Псков, чтобы начать обдумывать дневник поездки. Через день мне позвонил Сергей Элоян и, захлебнувшись слезами, сказал: «Гена умер»...

Нельзя было даже закричать, чтобы понять это. Надо было только так же умереть. Мир не захотел останавливаться в своем падении. Он почувствовал врага в рождающейся книге, в силе восстающей жизни, в брошенном ею вызове.

Но участники экспедиции уже работают над маршрутом продолжения экспедиции. Лоции собраны, кинокамеры заряжены, перья очинены, сердце укреплено сознанием правоты и необходимости продолжения.

Издатель Сапронов продолжает свое святое человеческое дело. Теперь он издает Жизнь.

В книге Дмитрия Шеварова «Добрые лица» очерк о Геннадии Сапронове заканчивается так:

«В августе 2009 года я зашел в книжную лавку Литинститута. Долго один рылся в книгах. Потом кто-то еще зашел, я не обернулся. Слышал только, что какая-то немолодая женщина беседует с хозяином магазина. Вдруг слышу: «Сапронов... Сапронов». Я обернулся, а женщина уже выходила из магазина. Я догнал ее, она плакала. Нет, она не знала Гену, но знала все его книги и приходила за ними сюда, в лавку. Мы вместе дошли до метро, соединенные печалью и памятью.

Одно из последних Гениных писем:

«12 апреля 2009.

Димочка, привет!

...Давно так не волновался, ожидая книгу из печати (речь идет об уникальном издании писем В.П. Астафьева. – Д. Ш.). Не могу даже сформулировать для себя это чувство, одно понимаю, что сделанное, наверное, в определенном

роде итог моих издательских дел. А может, рубеж. А может, начало какого-то продолжения. Не знаю.

Что-то действительно за окном мало внушает мне оптимизма. Теперь все во власти Всевышнего и резонансе читательской души. А может, и не будет никакого резонанса. Разве что в очередной раз выплеснется на меня раздражение... недовольство, зависть и злорадство... На этом все и успокоится. Для любителей «изучать» жизнь через замочную скважину, сам понимаешь, в книге нет ничего интересного. Уж больно мало тут «материалу», чтоб посудачить в кулуарах. А читателей, страдающих душой, у нас все меньше и меньше. Ну, да ладно – будь что будет.

Что-то на нытье потянуло... Вербное воскресенье сегодня, Господь вошел в Иерусалим, а мы обязательно во что-нибудь вляпаемся.

До скорой встречи. Привет от нас с Леной всему твоему семейству.

Твой Гена»».

Виктор Астафьев

Валентин Распутин

Дмитрий Шеваров

Ольга Куранова

«...Из праха земли светоносною сделаться точкой»

Подростком Александр Николаевич Юрков покорил приемную комиссию Красноярской художественной школы имени Сурикова своими выразительными рисунками. Углем – на оберточной бумаге. Шел 1947 год. Мать будущего художника сама, особым способом, умела пережигать уголь именно для рисовального дела (в юности работала на строительстве храма и научилась у «богомазов»). Для живописных работ вместо отсутствовавших красок шли в ход сажа, глина, синька, мел и даже свекольный сок. Сюжеты были незамысловаты – например, старый стоптанный башмак.

Времена не выбирают, и родился Саша Юрков в 1935-м, в таежной ссылке, куда были сосланы «раскулаченные» родители – крепкие молодые крестьяне – неутомимые труженики и созидатели. Они, и будучи переселенцами, поднялись за несколько лет на пустом месте; да что там на пустом – в глухой тайге, на болоте! И все-таки отца Юркова и остальных мужчин поселка вновь арестовали в 1937-м; и из новой ссылки, в СевДвинлаг, он уже не вернулся...

Сыну же предстояла долгая жизнь – жизнь в искусстве, в постоянном труде, в творческих и просто человеческих муках и радостях. Состоявшийся театральный художник Александр Николаевич Юрков оформил за сорок с лишним творческих лет сотни спектаклей в театрах страны – столичных и провинциальных.

В 1976 году художник приехал в город Горький создавать эскизы для театрального спектакля. И остался в нашем городе навсегда. Десять лет проработал главным художником Нижегородского академического театра драмы. А когда пришло время отойти от дел, понял, что тихая, унылая старость – совсем не для него! Настало время раскрыться его дару живописца.

Природный порядок для всех един. Все проходит, и рощи «отговорят веселым языком», неизменно теряя свое трепетное одеяние. Но в картинах художника Юркова опавшая листва стала обретать новую, удивительную судьбу. Здесь вновь зазвучала ее тихая речь – лесная, речная, небесная...

В «Юрковке» – это название так и закрепилось за художественной галереей Александра Николаевича – в обжитом подвальчике старого жилого дома на улице Покровской посетителей ждала встре-

ча с подлинной, но необычной живописью, где не использовались ни акварель, ни масло, ни гуашь, ни темпера. Мельчайшие частички высушенных листьев – это и были краски художника Юркова. Сотни тысяч кусочков, виртуозно подогнанных и наклеенных на картон. Каждый – словно движение кисти живописца, то легкое, то напористое. Словом, все как с красками, только... без красок. В итоге – рождение света и тени, глубокого плана, гармонии, неповторимого колорита.

Более двадцати лет Александр Николаевич работал в этой технике, сам же ее изобретал и совершенствовал, изучая свойства и возможности палой листвы, добился, чтобы картины не блекли с годами, не утрачивали цвета. И живой, изменчивый лист (березы, тополя, малины, осины, клена...) в руках настоящего мастера превращался в пластичный и податливый материал.

Неповторимые работы Юркова талантливо именно написаны, а не просто умело составлены из природного подручного материала, как в прикладной флористике. Такой технике исполнения трудно найти наименование. Сам художник называл ее флорийской мозаикой (мозаикой «из флоры»). Позже нашелся более точный термин – флорийская живопись – родом из Нижнего, из стен «Юрковки», с горьковатым осенним запахом ее картин.

Тончайшей гаммой оттенков передает художник и водную гладь озера, и волнение реки, и новизну первого снега, и узнаваемые черты лица человека. При очевидной тактичности, неброскости красок картины покоряют единой тональностью, даруя душевное равновесие и покой.

Особая тема в творчестве художника – родные места, родительский дом. Простые, но близкие каждому сердцу сюжеты: деревеньки, храмы, дороги, люди в своих привычных трудах и заботах, сель-

А.Н. Юрков и его мастерская

ская живность. Беззаветно любя свой город, Юрков сберег в своих картинах для нашей памяти и прежний Нижний – старые городские дворики, на удивление сохранившиеся в глубинах современного мегаполиса, воротца, уютные дома с деревянными эркерами над входами. Запечатлел неповторимые виды нашего кремля, монастырей над великими реками. Как печалился он об этом – чтобы не утратили, не растеряли наследия – всего лучшего, что оставлено нам предками...

В «Юрковку» всегда хотелось возвращаться: не только к картинам – к хозяину галереи, человеку удивительной душевной теплоты и расположенности к людям, которых он не делил на «своих» и «не наших».

До восьмидесятилетия Александр Николаевич не дожил года – ушел из жизни минувшим летом. Оставил своему городу уникальную летопись, где по-прежнему трепещет листва и осенний ветер обнажает родные улочки и улицы, а затем приходит утешительное время снегов...

*Ветер осыплет листву златорунным
дождем,
Солнечный луч взрежет небо кровавою
строчкой...
Дело не в том, хорошо или плохо живем,
Но как из праха земли светоносною
сделаться точкой.
Елена Тахо-Годи, 2013*

За месяц до кончины Александр Николаевич принял таинство Святого Крещения. Такая судьба. Вечная ему память!

Французский с нижегородским

На Светлояре

Халява

Баньки

Нижегородский кремль. XVII век

Доступное жилье

Понаехали тут

Из дневника А.Н. Юркова

Я помню маму – стройную, красивую, с пышными каштановыми волосами, сильную физически. Работала она в колхозе с раннего утра до позднего вечера, зимой возила промерзлые чурки на санях да колола их во дворе. Держала корову, кур, овец. Но налоги были нещадные: масло, яйца, овчину, шерсть, овощи – все сдавали воюющему государству.

С нами – троими детьми – было еще труднее. Летом «цыпки», комары, клещи да понос от травы «съедобной», зимой сопли, коклюш, «крапивка» да чесотка.

Головы наголо стригла всем нам ножницами для овец, каждый день мыла нас в деревянной лохани щелоком да самодельным вонючим мылом в виде черно-коричневой каши...

В нашем поселке существовало два рода безотцовщины: безотцовщина почетная и безотцовщина позорная. Почетная – у тех, чьи отцы были на фронте, позорная – для нас, чьи отцы оказались в заключении.

Те и другие сироты хотели гордиться своими отцами. Но мы, дети заключенных, не могли даже защититься или ответить дразнилками-оскорблениями в адрес детей фронтовиков. Моральные издевательства нередко переходили в физические.

«Фронтвики» играли в войну. Мы тоже хотели играть в войну, но почему-то играли в клетку. Клеткой называли

построенные своими руками домики. Мы делали мебель, посуду, застилали пол дерном, украшали эти домики ветками, цветами, хвоей.

А «фронтвики» делали внезапные налеты, с криками «Ура – за родину – за Сталина!». И всегда безнаказанно разрушали наши постройки, попутно избивая строителей-защитников.

Через день-другой, побежденные, мы снова принимались за постройку, а «воины» выжидали, пока все будет готово, чтобы снова сделать налет.

Мы мечтали о таких клетках, которые было бы невозможно разрушить. Но такие построить было трудно, ведь у нас не было даже гвоздей.

Однажды я придумал способ мести воякам. Мы построили клетку «с секретом», навалив на ее крышу дерн, половинки кирпичей, разные колья, ветки шиповника, крапиву. Потом заманили налетчиков внутрь клетки и обрушили все это им на голову! Эффект получился, признаться, даже больше, чем мы ожидали и желали...

Целый сверток своих рисунков (углем, на оберточной бумаге) перевязал я веревочкой и отправился поступать (в Красноярскую художественную школу имени Сурикова).

Вхожу, а там повсюду парни и мужчины с картинами в рамках ходят, говорят о художниках, о колорите. Стою я среди них, как сиротка, и думаю: зачем

приехал? Надо бы куда-то сунуть свой сверток да и ехать отсюда, чтобы не позориться. Смотрю – памятник Сурикову стоит. Ну-ка, думаю, суну за него, все не тащить обратно! Но, на мое счастье, мимо проходил директор.

– Пришел? – говорит. – Что у тебя там?

Я протягиваю ему сверток и бормочу под нос:

– Да плохо это все, тут вон какие художники.

– Мы еще посмотрим, – говорит, – какие они художники.

Взял он мои рисунки и пошел. Я – за ним, до дверей. Стою, жду под дверью, где комиссия заседает. Наконец позвали. Я вошел в зал: по бокам шкафы с гипсами, планшеты, табуреты. На крашеном охрой полу раскинуты мои рисунки, возле них четверо художников-преподавателей. Один из них ногой двигает мои работы и говорит:

– Неплохо... А где уголь-то купил?

– А чё, его покупают, что ли? Мама сделала.

– А кто у тебя мама?

– Да рабочая в доке, неграмотная.

И я рассказал, как мы с ней делаем уголь. Достал коробку и показал угольки...

Мне объявили, что я принят. Впоследствии я снабжал своим качественным углем всех художников нашей школы...

*Я поднимаю грязный лист,
Сгибая спину.
Я живописец и флорист –
Леплю картину.
Напоминает мне листва
Друзей моих,
Что мне оставили права
Допеть за них.
И потому в моих холстах
Такая грусть,
А в увяданье красота...
Пусть будет, пусть!*

Александр Юрков

Ольга Владимировна Куранова. Окончила историко-филологический факультет Горьковского, ныне Нижегородского, государственного университета им. Лобачевского. С 2001 года член Российского союза профессиональных литераторов. Сейчас работает редактором-корректором в издательском отделе Нижегородской духовной семинарии. Печатается в столичных и местных газетах и журналах. Автор книги для детей. Соавтор и составитель большого количества книг религиозной направленности.

Ольга Куранова о себе и о своем городе: «Здесь счастливо прожиты мои школьные и студенческие годы, обретаю любимую профессию. В старейшем нижегородском храме – в честь Жен Мироносиц – венчали нас с мужем.

Здесь родились двое наших сыновей. Мне дорог Нижний прежде всего его людьми. Им посвящены мои очерки, им – мои восхищение, уважение и любовь».

Есть такая особенность – дарить счастье

Готовясь к встрече с Пашей, я пролиставала тучу инструкций, как вести себя с особенными людьми. Если вкратце обобщить, выходило одно: ничего необычного не происходит. Но как это должно выглядеть? Притвориться, что не видишь коляски? Не сравнивать, даже мысленно, своего героя с другими, «неособенными» людьми? А зачем тогда вообще нужна эта встреча? Ведь моя задача именно в том, чтобы дать читателю увидеть иную жизнь и сравнить ее с привычными представлениями о том, каково это – нести крест болезни. Поэтому я закрыла комп и решила действовать как Бог на душу положит.

Итак: недалеко от Москвы в большой, светлой, красивой новостройке живет восемнадцатилетний юноша, пишущий стихи, прихожанин Знаменского храма Павел Сорокин. Живет с папой и мамой, которых очень любит и которые тоже очень любят его. Паша ездит верхом, плавает с дельфинами, а стихи пишет прямо на уроках, потому что в его школе этому как раз и учат. И он действительно особенный. И дело, конечно, не в коляске.

Елена, мама Паши.

О любви и чудесах

– Как вы нашли школу, где учат писать стихи?

– Через храм. Отец Георгий, настоятель, – Пашин крестный. Как-то раз к нему пришла женщина-логопед, бабушка ей про нас рассказал, и она предложила перевести Пашу к ним. Школа называется «Технология обучения», она создана для таких детей. Паше тогда было десять лет, он учился во втором классе.

– К тому времени ваша жизнь, вероятно, уже как-то устоялась. А вот период адаптации, каким он был? Длительным? Трудным? С чем приходилось сталкиваться?

– У нас есть еще и Алеша, но только после рождения Паши я поняла, на-

сколько же мы не умели по-настоящему радоваться милости Божией. Вот ребенок пошел, вот заговорил – люди к этому относятся как к должному, а на самом деле все это дает Господь. А с появлением Паши у нас каждый день стал, можно сказать, праздником: все, чему он научался, приносило огромную радость. Конечно, случались и скорби. Когда Паша родился, нам в беседе сказали: «Даже не думайте вырастить самостоятельно. Не будет ни школы, ни образования, ничего не будет». Диагноз был тяжелый. А сейчас медики, читая старые Пашины выписки, спрашивают: «Это действительно ваши? Вы не перепутали?». Никто не предполагал, что Паша сможет двигаться, думать, сочинять стихи. Человек сделать такое не может – ни лучшие врачи, ни родители. Это все Господь.

– А как относились окружающие?

– Нам очень помогала моя мама, София Константиновна. Она работала и материально поддерживала нас. Без бабушкиной помощи мы бы не справились. А насчет друзей... Знаете, нам всем вполне достаточно друг друга. Гости приходят редко. Им ведь нужно время уделять, а его и так катастрофически не хватает. И потом в какой-то момент прежние знакомые становятся просто

неинтересны, как, впрочем, и мы им. При особенном ребенке и без общения много проблем. Начинаешь по-другому оценивать, пересматривать жизнь, а это тоже работа, требующая времени. На самом деле, всех, кто нужен, Господь приводит. Логопед монахиня Клавдия и массажистка Марина Николаевна стали нам буквально родными. И я знаю, что многие молились о нас. Особенно отец Георгий с матушкой Людмилой, их молитвы очень чувствуются. У нас был случай, когда Паша в пять лет заболел коклюшем. Три дня провел в реанимации, врачи не давали ни шанса: «Не надейтесь и не ездите». Мы позвали бабушку, он Пашу пособоровал... И за то время, что отец Георгий стоял рядом с ребенком, его состояние стало улучшаться. Лечащий врач это зафиксировал и весьма озадачился.

– Только очень богатое воображение может представить, сколько проблем приходит в такую семью...

– И одна другой важнее.

– Но можно сказать, что все-таки требуется семье с особенным ребенком прежде всего?

– Жилая площадь. Особенно тем, у кого неходячие дети. Как, скажите, в обычной малогабаритке переместить колясочника в туалет или за стол? В нашем доме все устроено для удобства Паши и чтобы нам было легче ухаживать за ним. Вы, наверное, заметили, насколько у нас шире обычного дверные проемы? А вот там, под потолком, специальный рельс, за него цепляется коляска, чтобы Паша мог сам доехать до ванной. Ради этого всего мы поменяли московскую квартиру на Подмосковье.

– У вас очень красивый дом! Как вам удается поддерживать его в таком состоянии?

– К нам ходит помощница. Ирина отдает нам так много времени! Ну и, конечно, папе спасибо. Здесь все его заботами, нашего дорогого Валерия Юрьевича. Он у нас главный авторитет. Так, собственно, и должно быть. В семье муж – священник, настоятель домашней церкви. Иначе ничего не получится.

– Это действительно счастье, когда и в семье лад, и есть материальные возможности.

– Я не перестаю благодарить Бога! И всегда думаю: а каково тем, у кого таких возможностей нет?

– На государство надежды мало?

– Ой, поначалу приходилось зубами выгрызать что положено. Сейчас, правда, если попросишь, дают почти без проволочек. Вот, смотрите, поставили нам вертикализатор. Конечно, это мизер по сравнению с тем, что требуется, но все-таки... А уход, лекарства, массаж?... Государство оплачивает десять сеансов массажа по двадцать минут. Остальное – за свои деньги, и большие. А нужно хотя бы минут по сорок, ведь нельзя бросить на полдороге: верх проработали – а низ? Иппотерапия для неходячих детей просто незаменима, она очень укрепляет мышцы спины. Значит, нужна верховая езда. Еще Паша плавает с дельфинами. И лошади, и плавание – это безумно дорого, а главное, далеко от дома. К счастью, наш папа может взять Пашу на занятия.

– Выехать куда-то с Пашей, наверное, целая история?

– Еще бы! Потому мы редко выбираемся дальше дачи. Несколько раз летали на самолете: в нем относительно комфортно, но на земле начинаются проблемы. В обычные машины коляска не влезает. Так что собственный подходящий транспорт – еще один предмет первой необходимости. Представляете, каково одиноким матерям? Обязательно нужны люди, которые отвезут в поликлинику, посидят с ребенком, чтобы хоть в магазин можно было спокойно выйти. Как оставить беспомощного человека одного? Таких помощников должно бы оплачивать государство.

– Вы говорили, что Паша со временем изменился в лучшую сторону. Имелась в виду физиология, так? А вы? Вы тоже изменились? Внутренне.

– Я вообще не представляю, как бы мы жили без Паши! Считаю, что Господь нас очень любит, раз дал возможность все это узнать, пропустить через себя. Нам часто в храмах бабушки сочувствуют, в ножки кланяются – жалеют. Паше то и дело милостыню подают. И не объяснишь ничего: видят, коляска на паперти – значит, надо подать. Мы эти монетки сразу в церковную кружку кладем. «Не надо жалеть нас, – хочется сказать им, – мы счастливые!». Часто спрашивают нас: «А вы молитесь, чтобы он скорее пошел?». Молимся. Чтобы

Господь дал нам то, что нужно. Даст пойти – пусть ходит. Не даст – значит, даст что-то другое.

– Помните ваше состояние после родов? Ваше ощущения? Мысли?

– Когда в реанимации сказали, каким родился наш мальчик, я вдруг почувствовала, что мы с мужем – одно целое. Нам и раньше было хорошо вместе, но тут словно что-то дополнительно подключилось. Это такое счастье – идти в одном направлении, думать в одном направлении!.. Я никогда прежде не замечала в себе такого мужества. Не просто говоришь: «Все будет хорошо!», а действительно веришь в это. В душе все разрывается, но виду не подаешь. Понимаешь, что муж так же бережет тебя. Он мог выйти из ванной с красными глазами, а мне показывал всем видом: «Не переживай, все будет отлично, мало ли что врачи говорят». Я ни на что не променяла бы это единение.

– Но чем же все-таки помог вам Паша? Вы стали сильнее, спокойнее, мудрее?

– Говорят, все люди с годами мудреют. Сильнее? Может быть. Я стала понимать, что Господь рядом. Не надо паниковать, Он помогает всем людям. Помню, когда Паше поставили диагноз, мне сразу захотелось к отцу Николаю Гурьянову. Прямо как пунктик: «Надо, надо!». Я оставила Пашу на маму, и мы поехали. Мне тогда было очень тяжело, даже лечилась от депрессии. Мужу говорю: «Чтобы я сопли не распускала перед батюшкой, ты у него сам все спроси». Но так получилось, что я к отцу Николаю первая вошла. Он прозрел мое состояние и утешил: «Все хорошо, иди, все будет хорошо!». А с мужем стал говорить. В следующий раз, когда мы приехали, отец Ни-

колай болел. Келейница нам передала: «Батюшка велел ехать во Псков, к отцу Иоанну Крестьянкину». Зима, мы на машине, дорога страшная... Приехали в Псково-Печорский монастырь, а там банный день. Стою, смотрю на монастырские окна и молю про себя: «Батюшка, мне так надо к тебе, так надо!». Вдруг спускается по лестнице монах: «Из Москвы кто трое приехали?». И таких вот чудесных случаев было много.

– Да, опыт вы приобрели большой. И медицинский, и педагогический, и духовный. Что пожелали бы женщинам с особенными детьми?

– Быть рядом с Богом. Без Него такие испытания ведут в никуда и заканчиваются трагедией. А с Богом все иначе. Желая им прочувствовать всю радость от этой ситуации, все счастье, которое дал Господь.

Паша. О творчестве и свободе

– Я пишу уже лет шесть, с четвертого класса, когда пришел в «Мастерскую стиха». Это такой дополнительный предмет в нашей школе. У меня было плохо с ритмом, а ребята на мастерской выстукивают ритмические рисунки. Мама решила, что такие занятия нужны для моего развития. А потом я стал сочинять...

– А твои первые стихи?..

– Первые стихи были о дельфинах и Маленьком Принце. Нам на мастерской дали задание, и я написал маленькое стихотворение о Принце и его звездах. Помнишь, он говорил: «Подарю тебе мой смех»?

– Очень грустная сказка, тебе не жаль?

– Лично мне она показалась не грустной, а сложной. Я ее несколько раз перечитывал, прежде чем начать писать.

– У тебя есть любимый литературный герой?

– Их много, одного не назову, наверное... Очень нравится Ланцелот из сказки Юлии Вознесенской «Путешествие с макаронами». Он такой же парень, как я, многие его проблемы мне понятны и близки. Еще – Мересьев из «Повести о настоящем человеке». Когда бывает трудно, я вспоминаю его.

– Есть идеи, куда поступать после школы?

– Я выбрал гуманитарное направление. Буду поступать в литературный институт. Раз у меня это пошло, значит, нужно двигаться дальше.

– Меня очень тронуло стихотворение про князя Владимира. Князь – противоречивая фигура, как в историческом, так и в личностном плане. Почему ты взял его себе в герои?

– Знаешь, меня задело, что многие сейчас неправильно толкуют роль князя. Дескать, он крестил Русь не ради своей страны, а из политических соображений, чтобы наладить отношения с Европой. Я старался показать, что Владимир как раз первым делом хотел установить порядок у себя на родине, привести народ к Богу. И для этого ему пришлось сначала разобраться с собой. Согласись, это ведь намного труднее, чем заставить подданных последовать княжеской воле. Даже сейчас новообращенные порой ведут себя по-христиански только до крещения, а потом хоть трава не расти. А князь, приняв православие, изменился и стал поступать по вере.

– У тебя есть друзья, с которыми можно говорить о вере и Церкви?

– Есть, хотя у меня в принципе мало друзей. Но от отсутствия общения я не страдаю, мне хватает. Я всегда был самодостаточным.

– Для писателя важно хорошее знание жизни и людей. У тебя нет опасения, что в силу самодостаточности характера и обстоятельств тебе не будет хватать

человеческого опыта? Не страшно, что тебя не поймут?

– Ясно, что не все поймут. Я к этому готов.

– Писатель наблюдает вокруг себя много печали, да и в собственной жизни не всегда удается справиться. Когда твои герои попадают в трудную ситуацию, что ты с ними делаешь?

– Пытаюсь поставить себя на их место и найти выход.

– У Юлии Вознесенской герои подвержены слабостям. Они вовсе не суперлюди. Ты своим героям тоже будешь позволять ошибаться?

– Я буду стараться, чтобы люди, читая мои книги, учились на ошибках героев.

– Ты веришь, что книга может научить?

– Я это знаю на собственном опыте. Ведь я никуда не выхожу, ничего не вижу и лишь благодаря книгам открыл и понял многое.

– Ты чувствуешь близость Бога?

– Конечно! Я очень Ему благодарен, что он на каком-то этапе не выпустил меня в мир. Я вижу по телевизору или на улице, какая сейчас молодежь, и понимаю, что вот это – мой возраст, это мог бы быть я... Господь меня оградил. Конечно, нельзя сохранить человека от всех соблазнов, но в глобальных масштабах Господь их отвел, я ничего не увидел и не узнал из «положенного» моим сверстникам. Когда я вырасту и, верю, начну ходить и выйду в этот мир, внутренний стопор у меня останется. Надеюсь, уже не сделаю грубых ошибок, способных погубить мою душу.

– Знаешь, мало кто из твоих ровесников понимает необходимость самоограничения. В шестнадцать лет люди обычно считают, что нужно все испытать, на то и молодость...

– Мне очень жаль таких людей. Я общаюсь с одним мальчиком в школе – с ним в детстве случилась печальная история, он в три года выбежал на

железную дорогу. Дорога была старая, заросшая, ребенок стал играть, как вдруг пошел поезд, и мальчик под него попал. Ему отрезало обе ноги. Мы вместе ходим на урок психологии. Нас спрашивают: «Ну, что у вас нового, какие есть достижения?». Я рассказываю о стихах, поездках, оценках в конце концов, а он хвалится, что в игре занял место полковника. Все его разговоры о компьютере, он живет там. Слава Богу, что мне Он компьютер дал как инструмент, лишь тогда, когда я уже мог его правильно использовать, – не раньше и не позже.

– Думаю, что это уже был твой выбор. Не зря же Господь дает человеку свободу воли. Значит, ты совсем не играешь?

– Вот и тот мальчик меня спросил: «Почему ты не играешь, там же так интересно?!». «Рашид, – говорю, – ты извини, мне неинтересно там. Мне интересно здесь. Мне хватает этого мира». Играя в компьютерные игры, мы уходим отсюда, уходит наша душа. Кого она там встретит и какой станет? Многие дети не могут вернуться обратно и начинают жить в реальности, как в игре.

– Но ведь в реальной жизни столько проблем, требующих решения...

– Да они даже не пытаются ничего решать!

– А какие аргументы ты мог бы привести своим ровесникам, зависшим в виртуале? «Что здесь интересного, – скажут они, – здесь обиды, злоба, непонимание. А в игре, по крайней мере, все обстоит, как мне хочется».

– У них просто нет Бога. Когда ты знаешь, что Бог с тобой, на все трудности смотришь по-другому. Любая проблема многогранна. Попробуй свою ситуацию перевернуть – и она заблестит. Но это возможно только в реальности. В виртуальном мире нет граней.

– Как это?

– Его же люди создали. А может, кто-то другой. Этот мир однобокий, в нем ни выбора, ни свободы. Там нельзя само-

Бабушка Паши, София Константиновна, – предприниматель. Много лет назад, до рождения внука, ей пришлось, как и всем нам, столкнуться с трудностями рынка. Вести дело стало тяжело, конкуренция заедала, законы только усложняли ситуацию. «Может, оставить?» – спросила она своего духовника. «Не торопись. Тебе еще дочери помогать», – был ответ. «Помогать Елене? Странно. Вроде незачем, дочь устроена... А вышло все по батюшкиному слову.

Любимый конь Паши – Малыш – пожилой, заслуженный «тяжик», добрый и спокойный. В конном мире таких уважительно зовут «профессорами». Малыш честно проработал всю жизнь, но после перенесенных травм стал ни к чему непригоден, и хозяин хотел отдать его на бойню. К счастью, маленькая частная конюшня выкупила старика. Теперь он лечит детей. Так особенные лошади и особенные люди находят друг друга.

реализоваться. Компьютерный мир дает только то, что вложили программисты. Даже если в будущем в него можно станет входить всеми чувствами – гулять, путешествовать, заводить знакомства, – это все равно будет мир, созданный по чужому образцу. Только в реальном, в Божием мире есть возможность жить, как хотим мы, а там мы живем, как хотят авторы программы. В виртуальности легче управлять чужим сознанием. Боюсь, что в конце времен будет именно так.

– Думаю, никто не хотел бы дожить до таких времен. Но пока мир продолжается, у нас есть возможность влиять на события хотя бы в масштабах своей

скромной судьбы. Ты считаешь себя в силах что-то изменить?

– Один человек может очень мало. Но я обязательно постараюсь кому-то помочь и буду искать тех, кто разделит мои мысли.

– Что ты пожелал бы своим ровесникам?

– Подумать над своей жизнью хотя бы минуту, хотя бы секунду. Есть одна притча: у одного беспечного юноши, давно забывшего дорогу к храму, умер отец. Перед смертью он передал прощальную записку. «Сын мой, в течение сорока дней приходи в мою комнату, садись на эту кровать и двадцать ми-

нут просто посиди», – просил умирающий. А через сорок дней юноша пришел в Церковь. Надо выкроить время для себя. У нас у всех проблема со временем, мы спешим, и потому ляпаем и ляпаем, не думая, а нужно всего-то двадцать минут посидеть в тишине. Вглядеться в свои поступки, решить, что мы считаем дурным, а что правильным. И что нашли дурного – от того избавляться.

– Каким ты видишь своего читателя?

– Прежде всего – православным.

**С особенными людьми
беседовала Марина Нецветаева**

ДРУЗЬЯ-ДЕЛЬФИНЫ

*Взлетают волны,
Блестя в лучах.
Восторгом полны,
Шумя, кричат.
Жди праздник близкий:
Фонтаном брызги,
Дельфинов визги
В сердцах звучат.*

*Глаза смеются,
Улыбкой рот.
То вверх взметнутся,
То в толще вод
Мелькают спины –
Друзья-дельфины,
Как субмарины,
Несутся в глот.*

*Толпа народу.
Хлопки с трибун:
Ныряет в воду
Морской летун!
Кружатся в танце
Их спины глянцем.
И нет дистанций –
Кто стар, кто юн.*

*К тебе на помощь
Придут в беде.
И днем, и в полночь –
Всегда, везде.
Мой друг надежный,
Твой зов тревожный
Расслышать можно:
Спешишь ко мне.*

*Как ждем мы вместе
Свиданья час*

*В счастливом месте,
Сдружившем нас.
Скорей бы в воду!
Душе – свободу!
Дельфинам оду
Пишу сейчас.*

МИЛОСТЬ РОЖДЕСТВА

*В сверкании рождественских огней,
В погоне за подарками домашним,
В предпраздничной неразберихе дней
Мы прошлое забыли в настоящем.*

*Забыли мы о жертвенной любви
Того, Кто ради нас в яслях родился
И с плотью человека примирился,
Для смерти и страданий уязвим.*

*Во всем, кроме греха, подобен нам,
Обрек себя на крестные мученья,
Которые уже в момент рожденья
Открыты были светлым небесам.*

*В ночь Рождества все в мире
затаилось.
Давайте остановимся и мы,
Чтоб осознать в минуту тишины,
Какая милость нам с небес явилась!*

ПРОЗРЕНИЕ

(Апостол Павел)

сонет

*Он стережет одежду палачей.
В безвинного летят со свистом камни.
Стефана будут вспоминать веками.
С убийц не сводит Савл своих очей.*

*Гоненья христиан и свист бичей...
В душе бушует ненависти пламя.
Чтоб истребить своими их руками,
В Дамаск он держит путь под звон
мечей...*

*Господь узрел сосуд избранный в Савле:
Свет Божий с неба молнией слепит,
С ним Тот, Кого он гонит, говорит.*

*И сменит слепоту Прозренья Павла.
Неистово, как прежде гнал Христа,
Свой путь пройдет под знаменем
Христа.*

* * *

*Жизнь прожить надо так, чтобы
в вечности не было больно.
Чтоб не плакать у врат, о грехах
сожалея невольных.
Но грешим всё равно, упиваясь
греховною сладостью.
Жизнь промчится. Итогами
праздненства будем довольны?
Праздник быстро закончится –
будет ли в вечности радость?*

Станислав Сергеев

У каждого своя война. И своя лампада

Пишу эти строки 22 июня, в годовщину начала Великой Отечественной войны. Совпадение случайное. А может, не случайное. До сих пор живу воспоминаниями и чувствами после славного юбилея – 70-летия нашей великой Победы. До сих пор течет перед глазами бесконечная река народной памяти по имени «Бессмертный полк».

Мне не довелось быть сознательным свидетелем и уж тем более участником той войны. Но помню первые бомбежки Москвы, подвал бомбоубежища, тяжелый день отъезда в эвакуацию – то самое 16 октября (число узнал позже) – и долгую, почти месячную, дорогу в какой-то Самарканд (туда на два года уезжал Московский художественный институт имени Сурикова, отчим был аспирантом, мать – секретарем графического факультета).

На следующий год из Москвы получили письмо: дом на Коровьем Валу разбомбило, погибла родственница отчима с четырьмя малыми детьми.... В декабре 1943 года мы вернулись. В полуподвальную квартиру дома напротив, к доброй хозяйке Татьяне Николаевне. Ее сын, уходя на фронт, сказал другу, моему отчиму: «Если что случится, приходи к матери – она приютит». «Если что» и случилось. И сын ее погиб.

Шесть лет я ходил по Коровьему Валу в школу мимо развалин нашего дома. И первые победные салюты встречал там же. На крыше Москворецкого универмага стояла пушечка, после каждого выстрела которой по мостовой рассыпались разноцветные кружочки от гильз, и мы, ребята, собирали свои «военные» коллекции. Там же я встретил и 9 мая, которое запомнил на всю жизнь.

Окруженное современными архитектурными монстрами, старенькое здание школы (женская гимназия царских времен!), как ни странно, еще существует. Мы, немногочисленные остатки бывшего 10 «А», каждый год встречаемся у школьного порога. К 35-летию того 1 сентября мы с моим другом композитором Леонидом Печниковым написали гимн нашего класса, в котором были такие строчки: *«В канун войны мы в этой жизни появились, / По сводкам фронта из газет читать учились, / Нам всем немало пришлось ответить. / Он был и нашим, тот далекий День Победы!»*. И это – правда...

Взрослое представление о войне главным образом сложилось у меня из нашей богатой фронтовой прозы – Шо-

лохова и Симонова, Некрасова и Казакевича, Гроссмана и В. Быкова, Гранина и Кондратова, Бондарева и Бакланова, многих других. Но самое сильное впечатление принесло, конечно же, знакомство с живыми участниками великой трагедии, с кем свела журналистская судьба.

Одна из таких встреч состоялась совсем недавно, хотя первое знакомство с Юрием Николаевичем Транквилицким произошло сорок лет назад. Мы оказались вместе в журнале «Советский Союз», славившемся в ту пору выдающимися фотомастерами. Транквилицкий вполне подходил к этому определению. К тому же он выделялся непоказной интеллигентностью, культурой общения, романтической влюбленностью в героев своих фотоочерков и репортажей, а еще – спортивной выправкой. Было ему тогда, в 1975-м, пятьдесят лет, но спортивные увлечения – туризм, лыжи, байдарки, подводное плавание – молодили его чуть ли не вдвое. Уже тогда он считался лучшим в стране мастером подводных фотосъемок.

Удивительно скромный, Юрий Николаевич не тиражировал на людях подробности своей биографии, которая оказалась (для меня – через сорок лет) невероятно богатой событиями. Только из подаренной им книжки – «Взгляд на Великую Отечественную войну из окопного ада» – я узнал, что передо мной настоящий герой войны. В 18 лет командир роты разведчиков на самом горячем направлении военной операции «Багратион» – в болотах Белоруссии. Два месяца непрерывных боев под огнем вражеских и своих пушек. Шесть рукопашных схваток, в которых изможденный юный младший лейтенант побеждает упитанных фрицев. Изрешеченное осколками снаряда тело – и... матери в Москву уходит похоронка. Спасли, что называется, чудом. Полгода в госпиталях... Победу празднует на Красной площади в Москве... После войны поступает на кинооператорский факультет ВГИКа, оканчивает его с красным дипломом, но на 30 лет уходит в фотожурналистику и

лишь потом, еще на 30 лет, возвращается в родной институт, уже преподавателем...

Понятно, я сделал с ним интервью. Оно появилось в газете «50 плюс» под заголовком «Война и мир лейтенанта Транквилицкого». Один вопрос редактор посчитал лишним для своего издания. Я предложил эту тему журналу «Лампада». Почему? То, что побеждал в рукопашных и вообще выжил на фронте, Транквилицкий объясняет хорошей спортивной формой: до войны, еще подростком, он хорошо освоил самбо и даже успешно выступал на соревнованиях. Но я обращаю его внимание на другую деталь:

– Прочитал у вас в книге: «Самбо – моя религия». А вспомнил, что в самой вашей фамилии заложен религиозный мотив: ведь когда-то она бытовала в церковной среде...

– Совершенно верно. Исследуя наше генеалогическое древо, я докопался до своего предка в пятом поколении, Адриана Петровича Михайлова. В начале XIX века он принял священнический сан и взял церковную фамилию Транквилицкий, что в переводе с латыни означает «спокойнейший». Тогда целые поселения в Симбирской губернии, откуда мы родом, носили эту фамилию. Впоследствии священниками стали – из поколения в поколение – еще три представителя нашего клана. А дед даже был настоятелем храма.

– Вроде бы судьба вела вас к другой религии, не к самбо...

– Нет, в первые же годы советской власти дед лишился прихода, и его дальнейшая судьба неизвестна. А отец к тому времени перебрался в Москву, стал поступать в архитектурный институт и был вынужден скрыть свою церковную подноготную. Так что меня даже не крестили.

После этого я, человек атеистических убеждений, неожиданно для самого себя спросил собеседника:

– Как же так? Казалось бы, вера заложена в вас генетически. Неужели никогда не тревожили мысли о Божественном начале? Неужели даже примеры великих материалистов прошлого, того же Ивана Павлова, человека глубоко верующего, не заставляли вас задуматься о таинстве веры?

– Павлов – человек из прошлого, из времени и системы, когда церковь была

официально «обручена» с властью, с государством. Наше поколение – хорошо это или плохо, не берусь судить – было воспитано в другой системе координат. Вера таких людей, как Павлов, идет скорее от традиции, чем от внутреннего движения души и мысли.

– О каком прошлом вы говорите?! Академик Раушенбах – ваш знакомый – современник! Однако ученому-физику с мировым именем занятия прикладной наукой не помешали стать известным богословом, знатоком иконописи. Он в своем научном творчестве был явно отмечен, выражаясь фигурально, Божьей искрой.

– На тайну творчества у меня другой взгляд. Прочитую из моей книги «Симфония света, тени, формы и колорита» (это курс лекций по композиции во ВГИКе): «Многие даже в начале третьего тысячелетия думают, что творческое озарение приходит в голову откуда-то... сверху!.. Похоже на детскую сказку, в которую играют взрослые дяди. Процесс вдохновения некоторые считают результатом всевышнего воздействия... Теперь мы знаем, как и кто (или что) подсказывает нам в творчестве. Все происходит в нашей черепной коробке: и сознательные решения, и неожиданные подсказки – как бы ниоткуда! Вот она, научная правда: все процессы, включая и неосознаваемые, происходят не откуда-то с неба, а в нашем мозгу, только в нем!».

...Я не стал продолжать спор, лишь отметил про себя необычность ситуации: один атеист убеждал другого в необходимости более внимательно относиться к религии. Был я прав в этом? Не знаю. Однако вскоре наш диспут получил неожиданное продолжение. Правда, его следует предварить важным сюжетом из жизни моего собеседника.

В том интервью для газеты Юрий Николаевич рассказал о необычной дружбе с необычным человеком. Еще на фронте он услышал стихотворение неизвестного автора, которое многие профессиональные поэты считали самым пронзительным отражением жестокости войны:

Иона Деген с женой Людмилой и Юрий Транквилицкий на праздновании 70-летия великой Победы в Израиле

*Мой товарищ – в смертельной
агонии.*

*Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони. Ты не
маленький.*

*Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки:
Нам еще наступать предстоит.*

В 1995 году Транквилицкий рассказал об этом эпизоде в газете «Известия». Так удалось установить имя автора. Им оказался ровесник Юрия Николаевича танкист Иона Деген, воевавший с ним на одном участке фронта в том же, 1944 году. За подвиги в боях он был представлен к званию Героя Советского Союза, но бумага где-то затерялась. После войны Деген стал врачом-травматологом, работал в Киеве. В 1979 году уехал в Израиль, возглавляет тамашний Совет ветеранов Великой Отечественной войны. Двадцать лет длилась их заочная, по переписке и телефонным звонкам, дружба. И вот 6 мая 2015 года они наконец встретились на израильской земле: Юрия Николаевича пригласили на торжества по случаю победы над фашистской Германией. Она отмечается в стране на государственном уровне.

Сегодня имя Ионы Дегена достаточно известно благодаря двум документальным фильмам – «Деген» и «Последний поэт великой войны». Во втором, показанном в минувшем мае по каналу «Культура», герой фильма в подробном интервью как бы продолжил, а точнее предварил, наш с Юрием Николаевичем диалог о религии.

Специально для «Лампады» я записал отрывок из этого рассказа – об одном военном воспоминании Ионы Дегена:

«Едем по проселочной дороге на моем танке. Мои командиры сидят на левом крыле брони, держатся за открытую крышку люка механика-водителя. Проезжаем мимо какого-то распытия. Я оглянулся назад: все офицеры – равнение налево, на распытие. Я, занудный пацан, обращаюсь к ним: “А ну-ка, выкладывайте, как молились. Не скажете – не сбудется загаданное желание”.

И оказалось, что у всех была одна молитва. И я тут же записал в уме готовые стихи:

*Есть у моих товарищей-танкистов,
Не верящих в святую мощь брони,
Беззвучная молитва атеистов:
“Помилуй! Пронеси и сохрани!”.
Стыдись друг друга и себя немного,
Пред боем, как и прежде на Руси,
Безбожники покорно просят Бога:
“Помилуй! Сохрани и пронеси!”.*

Это же не надо было придумывать – это же было! Нужно было только записать».

И дальше уже сегодняшний Иона Деген произносит парадоксальные, но по сути очень точные слова: «Надо быть очень верующим атеистом, чтобы не верить в Бога. Атеизм – это тоже религия, очень сильная религия».

PS. Вот и получается, что у каждого из нас своя вера и, соответственно, своя лампада, освещающая эту веру: у православного (по происхождению) атеиста Транквилицкого – вера в человеческий разум и талант, у меня, скорее всего агностика по миропониманию, – вера в некий высший разум. И лишь Иона Деген, украинский еврей, волею судьбы оказавшийся на земле обетованной, судя по всему, и является истинным христианином.

Но так ли уж беззвучна молитва атеистов?

Почему атеист обращается с молитвой к Богу, в бытие Которого не верит? Ответ почти на поверхности: «Вреда не будет, а вдруг поможет». Если болит зуб или нескладуха на работе, такое рассуждение допустимо. А когда на твоих глазах погибает дорогой тебе человек и ты ничем не можешь ему помочь? А когда, как Транквилицкий, идешь в рукопашную раз, другой, пятый?... А когда «товарищитанкисты» Дегена перед боем «покорно просят Бога»?

Нет, не «на всякий случай» человек бросается к Богу с мольбой. Он, человек, верит в чудо, как теперь говорят, по определению. Просто у того, кто числит себя в атеистах, вера эта лежит глубоко внутри, как, опять же, теперь говорят, на жестком диске его памяти, под спудом «культурных слоев» современности. Но наступает час Ч – и отчаяние, как всплывающий понтон, выносит на поверхность веру в чудо. Достигнет ли она берега спасения? У кого-то – да, у кого-то – нет. Пути Господни неисповедимы. И не нам пытаться их разгадать. Наше дело – верить и молиться, молиться и верить. Ну а как быть тем, кто не делает ни того, ни другого? Постараться наверстать упущенное. Пока не поздно.

Сегодня мы живем под знаком тотального отказа от своего же прошлого. Что наследство нам досталось во многом ущербное, спора нет. Оттого и немалый резон в том, что на грядках нынешней жизни так кустисто растет антисоветизм. Нередко заглушая здравый смысл и явную пользу, как, допустим, в здравоохранении или образовании. Но в своем объяснимом и даже в чем-то простибельном нетерпении многие, сами того не осознавая, остаются прежними *совками* (неологизм Александра Градского) и даже усердствуют в этом. Я имею в виду безбожие. А теперь даже и воинствующее.

Расхожее представление о том, что атеизм пришел в нашу страну

вместе с большевиками, то есть в октябре 1917 года, далеко от истины. Он пришел даже не в феврале 17-го, с Временным правительством, хотя либерализм и православие тоже *две вещи несовместные* (А.С. Пушкин). Апостасия имеет едва ли не такие же глубокие корни, что ее антипод – богоприверженность. Просто процесс этот имеет в разные исторические периоды разную динамику. Россия 17-го года оказалась подготовленной к всплеску богоотступничества как никогда прежде. Опередив даже праматерь либерализма – революционную Францию. XVIII, XIX и начало XX веков постепенно готовили – и подготовили! – в России «мягкую посадку» мятежу. Сделав безбожие государственной религией, большевистский переворот лишь повернул гайку апостасии на последнюю нитку. Так что, когда слышишь от иных – огорченное, от других – с сарказмом: «Как же так легко и вдруг отказались от веры?!», необходимо уточнить: не «легко» и не «вдруг».

Сегодня уместнее задаться другим вопросом: почему так трудно и медленно мы возвращаемся к естественному состоянию – жизни в Боге и с Богом? Казалось бы, нет никаких препон от государства, что, как мы убедились на собственном историческом опыте, очень важно. Не урезана в правах Церковь, ни для кого нет помех на пути к храму. Что мешает? Давит окружающий мир – это да. Но когда и кто только на нас ни давил! Известно со времен Архимеда, а потом и Ньютона: кто сопротивляется – на тех и давят. Так что же все-таки мешает? Думаю, универсального ответа быть не может: душа – слишком тонкая для этого материя. Знаю точно: верность человека прежним, хоть и фальшивым, идеям и идеалам, особенно человека честного, нередко становится неодолимым препятствием на его пути к Богу. То ли нет сил пробиваться через завалы рухнувшего прошлого, то ли – не смейтесь! – кажется, что ты предаешь, хотя уже

давно нечего предавать, то ли пугают неохватность и глубина нового для тебя духовного мира, и думаешь: поздно, уже поздно начинать...

Мне не раз доводилось говорить на религиозную тему с автором этого очерка, моим давним другом и коллегой. Он всегда подчеркивал свою духовную позицию: «Я в Бога не верю. Я верю в добро, справедливость, порядочность...». Добавлю: он и живет так. А вот мое замечание, что, в сущности, исповедует христианство, оставил без ответа. Не произнесенный тогда, ответ Станислава Сергеева я прочитал в его же очерке. Фразу Дегена – «Надо быть очень верующим атеистом, чтобы не верить в Бога» – мой друг-агностик преvarил своей: «...сегодняшний Иона Деген произносит парадоксальные, но по сути очень точные слова...». В самом деле, когда слова точны по сути, их трудно опровергнуть.

По словам поэтессы Ларисы Васильевой, мы уже научились писать слово «политбюро» с маленькой буквы, а «Бог» – с большой. Нам уже привычны потребительский кредит и личное пространство, ставка рефинансирования и толерантность, общеевропейские ценности и... к чему только мы уже ни привычны! А как обстоит с Богом? «Се, стою у двери и стучу, – написано в Священном Писании (Откр. 3:20), – если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною».

Если говорить о вине большевистского режима, главная и первая – в том, что он отлучал и отучал нас от Бога, в чем, как ни горько, весьма преуспел. Это и есть тот самый *совок* – живучий след тяжелого наследия. Только наполнено это слово не пренебрежительным, а трагическим смыслом. Великое заблуждение, что человечество прогрессирует, двигаясь вперед. Если все дальше уходишь от своего Первообраза, какое же это благо?

Павел Демидов

Вадим Рутковский

Певец православной Тавриды

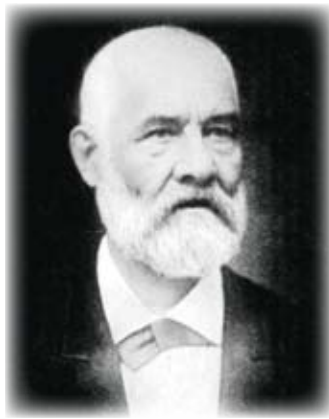
Хотел было написать привычное «незаслуженно забыт» и остановился: а разве бывают заслуженно забытые? Ведь даже о самом негодяйском негодяе следует помнить. Хотя бы для того, чтобы знать, с кого не делать жизнь (см.: Маяковский. «Хорошо»). О Дмитрие Михайловиче Струкове такого сказать никак нельзя. Но, увы, забыт, забыт... Не окончательно, конечно, однако и не так, чтобы выпукло сохранился в людской памяти. «Незаслуженно»? Получается, иначе не скажешь...

Замечательный живописец, реставратор, археолог, не последний писатель. Его научные труды по-прежнему востребованны и актуальны. Особенно та их часть, которая касается истории Крыма, описания и систематизации его архитектурных памятников и археологических объектов. Исследование причин, по которым иные достойные имена оказываются в забвении, мне представляется чистым листом в истории человеческой цивилизации. Никто и никогда этим толком не занимался, все ограничивалось констатацией конкретных частностей. Между тем оно, мне кажется, может полноправно претендовать на статус самостоятельного научного направления, где найдется работа и историкам, и политикам, и социологам, и психологам, и, убежден, не только им.

Моя задача скромнее. Я просто хочу познакомить наших читателей с Дмитрием Михайловичем Струковым и постараться показать, чем ценно для нас его научное и творческое наследие.

Итак, Д.М. Струков. Родился в Москве в 1828 году, когда древний город стремительно восстанавливался и возрождался после страшного пожара 1812 года. Было это при умном и энергичном губернаторе князе Дмитрие Владимировиче Голицыне. Когда он умер, историк русской литературы, критик и поэт Степан Петрович Шевырев написал некролог, в котором были такие слова: «Он украшал тебя, Москва, он любил доставлять тебе наслаждения всех просвещенных стран Европы, он двигал всякую в тебе деятельность, он делил с тобой твои бедствия». Можно сказать, Митенька Струков, едва появившись на свет, сразу окунулся в атмосферу творческого созидания. Зная последующую судьбу Дмитрия Михайловича, справедливо утверждать: это было именно так.

В 1830 году во время эпидемии холеры Струковы переехали в Нижний Новгород, через пять лет в Верхотурье, а затем в Нижний Тагил. Но к началу 40-х годов вернулись в Москву. За эти годы юноша успел хорошо узнать и крепко полюбить Россию. Торговый купеческий Нижний Новгород, промышленный Нижний Та-

Дмитрий Михайлович Струков

гил пробудили в талантливом подростке активность, настойчивость, творческое отношение к делу, благо за примерами не пришлось далеко ходить. А величая Волга, плавная Тура, молчаливо-задумчивые Уральские горы отвели в его душе место тонкому восприятию окружающего мира, научили созерцать и думать. В мальчике рано пробудился Художник.

В 1840 году Дмитрий поступил в московскую рисовальную школу. В то время это учебное заведение, основанное графом С.Г. Строгановым и превратившееся впоследствии в знаменитое художественное училище имени его основателя (легендарная «Строгановка»), называлось так: «Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам». Когда юный Струков перешел в четвертый класс, в его жизнь вошла иконопись. Староста села Люберцы пригласил его для работы над одним из образов в иконостасе местной церкви. Дмитрий не только блестяще справился с задачей, но так же виртуозно выполнил карандашом портрет самого заказчика – люберецкого старосты. Так состоялся дебют Струкова-иконописца.

Талант молодого мастера быстро развивался, и вместе с ним развивался его характер – закалялся, мужал. В Струкове проявилась ценная черта: помимо стремления постоянно улучшать собственный профессионализм он отличался отменными способностями педагога-наставника, особенно в живописи духовной. В 1849 году при активном содействии Дмитрия

Михайловича была открыта рисовальная школа при Троице-Сергиевой лавре, ставшая впоследствии известной школой иконописи. В том же году он составил «Путеводитель к московской святыне» – справочник, где обстоятельно собраны и систематизированы сведения о православных святынях столицы, дан полный список чудотворных икон московских соборов, храмов и монастырей.

1850 год. Дмитрий Михайлович получает приглашение из Саровской пустыни запечатлеть в рисунках памятники этой обители. Участвует в создании школы рисования при Дивеевском монастыре. В творческой биографии художника появляются запоминающиеся зарисовки храмов и монастырей Нижнего Новгорода, Владимира, Муром, западных губерний, Кавказа. Благодаря его работам сегодня мы можем увидеть, как выглядели многие православные храмы, разрушенные в послереволюционные годы гонений на Церковь.

Легкий на подъем, ученый включал в поле своего внимания многие уголки империи. В 1864 году бывший начальник Северо-Западного края Михаил Николаевич Муравьев-Виленский предложил Дмитрию Михайловичу принять участие в художественной экспедиции по Белоруссии. Задача формулировалась так: «...разыскание в крае древнерусских памятников или, по крайней мере, следов тех из них, которые в слепой ненависти к Православию и русской народности были уничтожены». Очевидно, в данном случае имелось в виду уничтожение православных памятников язычниками, всевозможными категориями агрессивных вандалов, радикальными адептами иных религиозных течений и сект.

Несколько лет Струков зарисовывал обнаруженные памятники культуры, искусства и архитектуры. В результате сформировался целый альбом рисунков, выполненных акварелью, тушью и грифелем. Кроме рисунков художник оставил и дневниковые записи с путевыми заметками, в которых дал пояснения к сделанным изображениям. В 2011 году в минском издательстве «Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки» вышло большеформатное подарочное издание альбома рисунков Дмитрия Михайловича Струкова, которые он сделал в период с 1864 по 1867 год во время этой экспедиции.

Одновременно с живописью Дмитрий Михайлович Струков много и плодотворно трудился на поприще церковной ар-

хеологии. В 1860-х годах он был избран членом-корреспондентом Московского археологического общества. Я не очень люблю слово «судьбоносный», но к данному случаю оно подходит больше всего. «Данный случай» – это экспедиция Дмитрия Михайловича в 1868 году в Крым. С одной стороны, он вроде бы просто выполнял поручение Московского археологического общества, а с другой – обрел еще одну, и очень важную для себя, линию жизни: «заболел» древней Тавридой.

Особенно результативными были для Дмитрия Михайловича крымские раскопки 1871 года. Ему посчастливилось сделать весьма важное для исторической науки открытие: в югобережном местечке Партенит близ живописной горы Аю-Даг он обнаружил фундамент древней базилики. Около ее алтаря исследователь нашел каменную плиту с греческой надписью, в которой упоминалось имя столпа православия Тавриды святого Иоанна Готского. И уже в следующем году в Москве вышла его книга «О древнехристианских памятниках в Крыму» с подробным описанием результатов своих исследований. А результаты эти и сегодня удивляют нас своей обширностью, подробностью и тематическим многообразием. Певцом древней Тавриды называли Д.М. Струкова современные ему московские газеты. Кстати, в роду «певца» прослеживаются крымские корни. Его дед по отцовской линии, Данила Сергеевич, был женат на дочери грека, выехавшего из Крыма в 1774 году.

А еще Дмитрий Михайлович был неутомимым путешественником и следопытом. Он прошагал многие километры по каменистым дорогам и скалистым тропам древней Тавриды. В наше высокотехнологичное время, когда в арсенале исследователей и путешественников имеются современные джипы-внедорожники, умные компьютеры и навигаторы, первоклассное альпинистское и туристическое снаряжение, – обширность и разнонаправленность крымской географии экспедиций Струкова, спокойно обходившегося без всех перечисленных выше атрибутов научно-технического прогресса, вызывает и восхищение, и удивление, и глубокое уважение.

По крымским следам неутомимого ученого решили пройти и мы с женой. Целью экспедиции стал пещерный монастырь Шулдан. Он разместился в скальном обрыве горы с тем же названием. С севера гора венчает живописную Шульскую долину, расположенную на территории Бахчисарайского района. Нашу маленькую группу возглавил знаток местных запovedных троп Александр Брежнев – экскур-

совод-самородок и талантливый краевед из Бахчисарая.

Пещерные сооружения горной обители располагаются в два яруса. Всего их около двадцати. Это два пещерных храма, усыпальницы, кельи, трапезная и хозяйственные помещения. В наши дни монастырь именуется в честь Покрова Пресвя-

той Богородицы и окормляется монашествовыми священнослужителями Симферопольской и Крымской епархии. Дмитрий Михайлович Струков, побывавший здесь с очередной крымской экспедицией в 1860-х годах, успел застать на стенах главного храма фрески. Выполненные им рукописи с чертежами храмов и зарисовками фресок до сегодняшнего дня хранятся в Российской государственной библиотеке.

На северной стороне храма монастыря Шулдан Струков видел изображение Пресвятой Богородицы с Младенцем Христом, напоминающее Ржевскую икону Божией Матери, а также образа двух святых в полный рост. Он считал, что они написаны не позднее XII века. К сожалению, уже в середине XX столетия от росписей осталась только штукатурка. В неизданном альбоме Струкова скала, в которой расположен пещерный монастырь Шулдан, именуется как Килисе, что в переводе с греческого означает «церковь». Этот пещерный комплекс просуществовал до конца XV века.

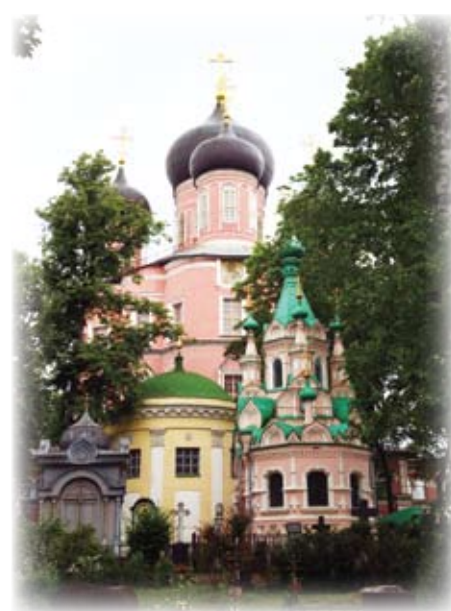
К глубокому сожалению, имя Дмитрия Михайловича Струкова, много сделавшего на благо православия и России, ныне, как я уже говорил, почти забыто. По данным архивов, талантливый живописец, историк, реставратор и археолог покинул этот мир в 1899 году и был похоронен в некрополе Донского монастыря в Москве. Мне захотелось увидеть могилу этого незаурядного человека. Двухчасовые поиски результата не принесли – надгробия Д.М. Струкова я не обнаружил. Вполне возможно, что оно и не сохранилось до наших дней. Подобно тем утраченным православным соборам и церквям, которые люди XXI века могут сегодня видеть лишь благодаря замечательным рисункам Дмитрия Михайловича. Но могила талантливого русского художника и крупного ученого не сохранилась даже в виде рисунка.

Крым. Пещерный храм Покрова Пресвятой Богородицы монастыря Шулдан

Тем не менее некоторые плоды моя экспедиция все же принесла. Поблизости от могилы выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева я обнаружил памятник с именами Любви Федоровны Струковой († 25 августа 1889 года) и Федора Ильича Струкова († 1906 год). По-видимому, это родня Дмитрия Михайловича, ведь прежде родственников, как правило, хоронили рядом. И весьма вероятно, что певец православной Тавриды покоится где-то неподалеку. Как хотелось бы здесь видеть выразительный, заметный издали памятник, в котором отразилась бы неординарность этого человека. Новому поколению молодых ученых и начинающих художников, выбирающих маршруты своих жизненных дорог, очень нужны верные ориентиры и яркие, надежные маяки.

Бахчисарай – Москва

Донской монастырь. Некрополь. Возможно, где-то здесь место упокоения Дмитрия Михайловича

ЛАМПАДА

В ВАШЕМ ДОМЕ

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА

ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

На 2016 год «ЛАМПАДУ» можно выписать как ЧЕРЕЗ РЕДАКЦИЮ,
так и через ПОДПИСНЫЕ АГЕНТСТВА:

МАП (каталог «Почта России», индекс 16594);

РОСПЕЧАТЬ (каталог «Газеты. Журналы», индекс 80339).

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке	апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе
Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане	свт. Климента, папы Римского
св. мц. Татианы при МГУ	Успения Божией Матери в Казачьей слободе
Воскресения Словущего на Успенском Вражке	Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья
Воскресения Христова в Сокольниках	Новомучеников и исповедников Российских в Строгине
Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия	Всех святых во Всехсвятском
Иверской иконы Божией Матери на Всполье	Всемилоственного Спаса в Митине. Патриаршее подворье
иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами	Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)
Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь	Преображения Господня в Тушине
прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря	Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине
Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском	Прп. Сергия Радонежского в Бусинове
Троицы Живоначальной в Хорошеве	Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье
Троицы Живоначальной в Хохлах	прп. Алексия, человека Божия в Крылатском
Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове	Богоявленский кафедральный собор в Елохове
Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове	Казанской иконы Божией Матери в Коломенском
Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище	Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь
Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово	Донской ставропигиальный мужской монастырь
Сретенский ставропигиальный мужской монастырь	Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве
Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском	св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»
Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке	Воскресения Христова в Кадашах
царевича Димитрия при Голицынской больнице	свт. Иннокентия, митр. Московского в Бескудникове
Троицы Живоначальной в Останкине	прп. Сергия Радонежского
свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной	в Крапивниках

ISSN 2225-0271

9 772225 027100